

№ 1 (26)
2014

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А.С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор

Заместитель
главного редактора
А.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
А.А. Осадчий

Члены редколлегии:
Е.Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;
И.М. Антонов,
канд. юрид. наук, доцент;
Д.А. Баринов,
канд. юрид. наук, доцент;
В.Н. Бойко,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, профессор;
Л.Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);
М.Н. Зинятова,

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовный процесс

Бахта А.С. Компромиссы в уголовном процессе / 3
Николюк В.В. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации о порядке проверки и разрешения сообщений о преступлениях / 9
Супрун С.В. Подследственность органов предварительного следствия Следственного комитета Российской Федерации в отношении несовершеннолетних / 15

Криминалистика

Егоров Н.Н. Использование специальных знаний на стадии предварительного расследования / 19

Теория и практика правоохранительной деятельности

Лихолет Е.Н. К вопросу о совершенствовании деятельности участковых уполномоченных полиции / 25

Уголовное право и криминология

Котельникова О.А. Уличная преступность: понятие, признаки и классификация / 32
Семикина М.С., Манцуоров А.Ю. Правовая защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в уголовном законодательстве Российской Федерации и Китайской Народной Республики / 39

Проблемы цивилистических отраслей права

Древаль Л.Н. Об алиментных обязательствах бывших супругов: вопросы правоприменения / 44

Зарубежный опыт

Антонова Е.Ю., Замалеева С.В. Ятрогенные преступления в репродуктивной сфере по уголовному законодательству некоторых зарубежных стран / 50

Проблемы высшей школы

Рыбак А.В. Применение методов системной динамики при

канд. филос. наук, доцент;
В.В. Кулыгин,
 д-р юрид. наук, профессор;
В.Ф. Лигута,
 канд. пед. наук, профессор;
Н.Е. Мерецкий,
 д-р юрид. наук, профессор;
С.В. Супрун,
 канд. юрид. наук, доцент;
М.А. Тулигович,
 канд. юрид. наук, доцент;
С.Ю. Ударцев,
 канд. юрид. наук, доцент;
Н.А. Шабельникова,
 д-р ист. наук, профессор;
 (г. Владивосток)

Редактор
 Е.Ю. Колобанова
Корректор
 Н.Б. Хохлова

*Журнал зарегистрирован
 Федеральной службой
 по надзору в сфере связи,
 информационных технологий
 и массовых коммуникаций.
 Свидетельство
 ПИ № ФС77-37942
 от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
 отражают точку зрения автора,
 которая может не совпадать
 с мнением редколлегии

Плата с авторов за публикацию
 рукописей не взимается.
 Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 25.03.2014.
 Бум. офис. Формат 60x84 1/8.
 Усл. печ. л. 10,11.
 Тираж 300 экз. Заказ № 14.
 Цена свободная.

Дальневосточный юридический
 институт МВД России.
 Редакционно-издательский
 отдел. Типография.
 680020, г. Хабаровск,
 пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
 e-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
 Тел. (4212) 46-52-17
 Тел./факс: (4212) 46-52-06

формировании государственного заказа на подготовку кадров
 в образовательных учреждениях МВД России / 57

Трибуна молодых ученых

Усов А.В. Особенности привлечения к юридической ответственности за причинение вреда памятникам истории и культуры в Российской Федерации / 63

Полякова С.А. О перспективах развития бюджетного законодательства / 70

Черкашин А.В. Понятие и сущность оперативно-розыскной характеристики насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних / 76

Научная жизнь / 85

Информация для авторов / 87

УДК 343.135

КОМПРОМИССЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Андрей Сергеевич Бахта, начальник Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор

Автор отмечает современную тенденцию активного внедрения в уголовный процесс компромисса на фоне отказа от принципа объективной истины и ухода от термина «изобличение» виновных в совершении преступления. В статье рассматриваются случаи применения в уголовном процессе компромисса, который, по мнению автора, следует признать мерой нестандартной и исключительной.

Ключевые слова: уголовный процесс; исследование обстоятельств уголовного дела; объективная истина; компромисс; процессуальная экономия.

COMPROMISE IN CRIMINAL TRIAL

Andrey Sergeevich Bakhta, head of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Doctor of Law, professor

The author stresses on the current trend of the active implementation of compromise into the criminal proceedings against rejecting the principle of objective truth, and the term «exposure» of the perpetrators of crime. The article deals with some cases of compromise in criminal proceedings which to the author's point of view should be recognized as precarious and exceptional measure.

Keywords: criminal procedure; investigation of the criminal case circumstances; the objective truth; compromise; procedural economy.

В российской правовой теории под уголовным процессом традиционно понимают длительность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда по разрешению заявлений и сообщений о преступлениях, расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел, проверке законности и обоснованности судебных решений и их исполнению.

Эта деятельность предусмотрена законом и облечена в процессуальную форму. В нее могут вовлекаться граждане, имеющие отношение к уголовному делу либо имеющие заинтересованность в его разрешении. Уголовный процесс призван защищать права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защищать каждого от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Уголовный процесс можно рассматривать как средство реализации принципа российской уголовной политики обеспечения неотвратимости ответственности за совершение преступления. Каждый совершивший преступление должен нести ответственность за все им содеянное.

Основу уголовно-процессуальной деятельности составляет исследование обстоятельств уголовного дела. Все итоговые процессуальные решения, а в особенности приговор, в котором решается вопрос о виновности или невиновности обвиняемого, при-

нимаются на основе знаний, полученных в ходе исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию. Посредством сбора, проверки, анализа и оценки доказательств участники уголовного судопроизводства устанавливают, какое событие имело место, и дают ему правовую оценку. Одним из критериев оценки этой деятельности является требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела. В УПК РСФСР данное требование было сформулировано в ст. 20. В УПК РФ данная норма в чистом виде отсутствует, однако ее элементы можно найти в целом ряде уголовно-процессуальных норм.

Под полнотой исследования обстоятельств уголовного дела понимают достоверное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также всех юридических признаков, которыми уголовный закон характеризует данное преступление.

Всесторонним исследование обстоятельств уголовного дела может быть признано, если оно проведено путем выдвижения и проверки всех объективно возможных версий в отношении обстоятельств, уличающих или оправдывающих обвиняемого, отягчающих, смягчающих либо исключających его ответственность за содеянное.

Объективным исследование признается тогда, когда оно выполнено непредвзято.

Требования ст. 20 УПК РСФСР нередко отождествлялись с принципом объективной истины. В УПК РФ провозглашен новый принцип назначения судопроизводства. Он трактуется законодателем как защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения.

Отказ законодателя от принципа объективной истины и его уход от термина «изобличение» виновных в совершении преступления, по нашему мнению, связаны с освобождением суда от выполнения функции по установлению объективной истины.

Роль суда заключается в исследовании и оценке доказательств, представленных в судебном заседании сторонами обвинения и защиты. Лишь на основе этого доказательственного материала суд может делать вывод о наличии или отсутствии преступления и о виновности либо невиновности подсудимого.

Следует заметить, что на сегодняшний день ни в теории уголовного процесса, ни в правоприменительной практике не выработано критериев оценки качества исследования обстоятельств уголовного дела, альтернативных требованиям полноты, всесторонности и объективности. Не случайно, что ученые, исследующие вопросы доказывания по уголовному делу, ратуют за возвращение в уголовный процесс России принципа объективной истины. Эта тенденция прослеживается как в диссертационных исследованиях [2; 5; 8; 12], так и в комплексных работах монографического характера [4; 7].

Вместе с тем в уголовный процесс стал активно внедряться компромисс. Чаще всего под компромиссом понимают договор или соглашение сторон на взаимовыгодных условиях. В теории уголовного процесса предпринимались попытки исследования категории «компромисс» через примирение обвиняемого с потерпевшим либо через деятельное раскаяние, а также через институт особого порядка судебного разбирательства [1; 6; 11]. Однако все перечисленные институты появились сравнительно недавно и не исчерпывают случаев применения компромисса в уголовном процессе.

Прежде всего следует назвать производство по делам частного и частно-публичного обвинения. Оно осуществляется уже много лет, но в последние годы претерпело существенные изменения. Значительно расширен перечень уголовных дел частного-публичного обвинения. Ранее законодатель предусматривал возможность достижения компромисса в охране телесной неприкосновенности граждан (побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью), в охране чести и достоинства (клевета), в охране половой неприкосновенности женщины (изнасилование) и т.д. Сегодня в этот перечень попала охрана имущественных интересов индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций. Предоставление потерпевшим права принимать самостоятельное решение – обращаться или нет в правоохранительные органы с заявлением

о преступлении, уголовные дела о которых отнесены к категории частного и частно-публичного обвинения, представляет собой самостоятельную форму компромисса. Причем следует заметить, что достигается согласие тройственное. С одной стороны, согласие потерпевшего и лица, совершившего противоправное деяние, выраженное в нежелании потерпевшего обращаться в правоохранительные органы с заявлением о преступлении. С другой стороны, согласие правоохранительных органов с тем, что потерпевший не находится в зависимом или беспомощном состоянии или по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. В противном случае вышеперечисленные дела перестают относиться к категории частных и частно-публичных.

В качестве компромисса следует рассматривать дополнительные гарантии возбуждения уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц. Лишь на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда Российской Федерации, принятого по представлению Президента Российской Федерации, о наличии в действиях признаков преступления может быть возбуждено уголовное дело в отношении Генерального прокурора Российской Федерации и Председателя Следственного комитета Российской Федерации. Для возбуждения уголовного дела в отношении членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы необходимо согласие соответственно Совета Федерации и Государственной Думы, полученного на основании представления Генерального прокурора Российской Федерации. В отношении судей различных звеньев судебной системы уголовные дела возбуждаются с согласия соответственно Конституционного Суда Российской Федерации или соответствующей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

Аналогичные правила применяются и при решении вопроса о привлечении указанных лиц в качестве обвиняемых.

Компромисс в виде согласительных процедур применяется в случаях прекращения уголовного дела за примирением сторон и в связи с деятельным раскаянием. По нашему мнению, весьма схожим с указанными случаями является институт прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Речь идет об уклонении от уплаты налогов. Законодатель счел нецелесообразным продолжать процессуальную деятельность по расследованию и судебному разбирательству уголовных дел об уклонении от уплаты налогов в случаях, когда ущерб бюджетной системе Российской Федерации возмещен в виде уплаты недоимки, пеней и штрафа. Причем, если в случае применения с потерпевшим или в связи с деятельным раскаянием закон предоставляет суду, следователю и дознавателю права прекратить уголовное дело, то по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности законодатель термин «вправе» не использует. Это означает обязанность суда, следователя с согласия начальника следственного органа и дознавателя с согласия прокурора принять решение о прекращении уголовного дела. Хотя из указанной правовой конструкции не совсем понятно, как следователь и дознаватель смогут выполнить свою обязанность прекратить уголовное дело, если не будет согласия соответственно руководителя следственного органа или прокурора.

В практике встречаются ситуации, когда потерпевшие договариваются с обвиняемым о примирении, однако, дождавшись полного заглаживания вреда от примирения, отказываются и настаивают на привлечении обвиняемого к уголовной ответственности. Учитывая, что в подобном поведении потерпевших усматривается элемент обмана, представляется необходимым предусмотреть в законе право суда, следователя и дознавателя принимать решение о прекращении уголовного дела.

Одной из последних новелл уголовно-процессуального законодательства, предусматривающих применение компромисса, является введение института дознания в сокращенной форме. Предусмотрев особенности доказывания, сокращенные сроки и особый порядок судебного разбирательства в случаях, когда обвиняемый полностью согласен с обвинением и характером и размером ущерба, законодатель внедрил возмож-

ность достижения согласия сторон обвинения и защиты на упрощенную форму производства по делу. При этом согласие становится взаимовыгодным, поскольку быстрее решается вопрос о возмещении вреда и привлечении виновного к ответственности, с одной стороны, и возможность назначения наказания в виде одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида, с другой.

Различные формы компромисса применяются и в стадии судебного разбирательства. Прежде всего, это особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Суд, с согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего, вправе постановить приговор без проведения судебного следствия. Внедрение процессуальной экономии в судебное разбирательство является взаимовыгодным для представителей обвинения, потерпевшего и подсудимого.

Для государственного и частного обвинителей сокращаются трудозатраты по доказыванию виновности обвиняемого. Потерпевший заинтересован в более быстром разрешении дела. Для подсудимого привилегия в назначении наказания, которое не может превышать двух третей от максимального вида наказания. Заключая с подсудимым сделку о признании вины, суд также получает возможность экономии трудозатрат.

Самостоятельным видом компромисса является особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Заметим, что данный вид компромисса в основном совпадает с особым порядком судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Особенность заключается в обязательном исследовании в судебном разбирательстве обстоятельств, перечисленных в ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ. К ним относятся: характер и пределы содействия подсудимого следствию; значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия преступления и изобличения других участников преступления; возбужденные уголовные дела в результате сотрудничества с подсудимым; степень угрозы личной безопасности подсудимого и его близких; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

С точки зрения компромисса, как такового, в литературе высказывается позиция относительно участия потерпевшего в соглашении об особом порядке принятия судебного решения. По мнению авторов, потерпевший не может влиять на рассмотрение дела в особом порядке [3]. Одним из аргументов в подтверждение своего мнения авторы называют позицию Пленума Верховного Суда РФ, сформулированную в Постановлении от 28 июня 2012 г. № 16. В нем говорится, что возражение потерпевшего против особого порядка проведения судебного заседания в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, само по себе не является основанием для рассмотрения дела в общем порядке [10]. Однако анализ действующего уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о наличии противоречий между рекомендациями Пленума Верховного Суда РФ и нормами УПК. Так, статья 317.7 УПК РФ устанавливает, что судебное заседание в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводится в порядке, установленном ст. 316 настоящего Кодекса, с учетом требований настоящей статьи. Об обстоятельствах, подлежащих установлению в порядке ст. 317.7 УПК РФ, мы уже указывали. Что касается содержания ст. 316 УПК РФ, то в ч. 6 говорится о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке при возражении потерпевшего против постановления приговора без проведения судебного разбирательства. Таким образом, потерпевший может участвовать в указанном компромиссе с правом решающего голоса. Кроме того, представляется, нельзя лишать потерпевшего активной позиции, т.к. часто встречаются случаи его несогласия с формулировкой обвинения, предъявленного подсудимому. Нередки случаи, когда заключить досудебное соглашение о сотрудничестве пытаются организаторы преступлений или участники преступных групп, чья роль была весьма существенна. Поэтому нельзя лишать потерпевшего права настаивать на проведении судебного следствия, поскольку именно в этой части судебного разбирательства он сможет реализо-

вать свои возможности по обеспечению всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Кроме того, в п.1 рассматриваемого нами Постановления Пленума Верховного Суда говорится о соблюдении общих для всех форм уголовного судопроизводства принципов осуществления правосудия и недопустимости понижения уровня гарантий прав и законных интересов участников судебного разбирательства.

Самостоятельный вид компромисса применяется в связи с принятием Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Речь идет о допросе участвующих в уголовном деле лиц под псевдонимом. Определенные отступления от традиционных правил осуществления уголовно-процессуального доказывания вызваны необходимостью обеспечения неприкосновенности участников уголовного процесса. Причем в данной ситуации речь не идет о компромиссе как взаимовыгодном соглашении сторон. Очевидно, что законодатель оценивает выше жизнь, здоровье и неприкосновенность граждан, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства, нежели назначение самого уголовного процесса. Поэтому, когда имеется информация о возможности применения насилия в отношении потерпевших, свидетелей и других участников процесса, включаются механизмы их государственной защиты в ущерб правилам, гарантирующим установление истины по уголовному делу.

Конечно, нельзя не считаться с позицией Конституционного Суда РФ. В своем Определении от 21 апреля 2005 г. № 240-О он признает, что положения ч. 9 ст. 166 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ не содержат каких-либо изъятий из установленных уголовно-процессуальным законодательством общих правил использования, проверки и оценки доказательств. Особенности получения таких доказательств не лишают возможности участников уголовного процесса проверять их путем постановки перед допрошенным вопросов или иными способами ставить под сомнение или опровергать достоверность этих доказательств.

Однако, как показывает практика, суды далеко не всегда удовлетворяют ходатайства, направленные на проверку достоверности показаний лиц, допрошенных под псевдонимом. Кроме того, нередки случаи, когда показания засекреченных свидетелей не подкрепляются другими доказательствами, а обвинения основываются единственно или в решающей степени на анонимных утверждениях. Есть примеры использования таких показаний лишь для обоснования избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Все вышеперечисленное свидетельствует о проблемах в реализации действенных гарантий, обеспечивающих качество доказательств, полученных в результате допроса засекреченных лиц.

Таким образом, в последние годы компромисс существенно расширил свое применение в уголовном процессе. Основная идея этого расширения заключается в процессуальной экономии. За счет упрощения процедуры производства по проверке заявлений и сообщений о преступлениях и по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел сокращаются не только трудозатраты государственных органов, но и экономятся финансовые средства на их содержание. И, что очень важно, чаще всего процессуальная экономия связана с исследованием обстоятельств совершенного преступного деяния. Все чаще применяются процедуры, позволяющие игнорировать такие постулаты, как «всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела», «установление истины по уголовному делу» и т.д.

Российскому уголовному процессу хорошо известен опыт возвеличивания признания обвиняемым своей вины в ранг «царицы» доказательств. После него на протяжении десятилетий выстраивалась и функционировала классическая схема сбора, проверки и оценки доказательств по уголовному делу. Следователи и судьи стремились относиться к исследованию обстоятельств уголовного дела беспристрастно. Строго ус-

танавливали все обстоятельства, подлежащие доказыванию, включая преюдиции и все юридические признаки, которыми уголовный закон характеризует данное преступление. Каждое исследование осуществлялось путем выдвижения и проверки всех объективно возможных версий.

Так, факт, что в законе сегодня отсутствует норма, аналогичная ст. 20 УПК РСФСР о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела, существенным образом влияет на знание государства и общества в полном объеме обо всех случаях совершения преступлений. Это создает предпосылки расширения применения компромисса в уголовном судопроизводстве, в то время как, по нашему мнению, он должен являться мерой нестандартной и исключительной.

Литература

1. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 54 с.
2. Агутин А.В. Мироззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 54 с.
3. Каретников А. Нужен ли особый порядок судебного рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве? // Законность. 2013. № 10. С. 31-37.
4. Корякин Е.А. Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М., 2009. 296 с.
5. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 58 с.
6. Никулина Е.А. Компромисс в уголовном процессе. Новосибирск, 2010. 105 с.
7. Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе. Волгоград, 2007. 312 с.
8. Пискун О.А. Истина в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. 24 с.
9. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. 416 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».
11. Саркисян Т.Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 25 с.
12. Сергеева О.Б. Достижение истины в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. 24 с.

УДК 340.142

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПОРЯДКЕ ПРОВЕРКИ И РАЗРЕШЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Вячеслав Владимирович Николук, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

В статье исследуется правовая природа и роль постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в осуществлении правосудия, их место в «организации» правоприменительной деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда с позиции обеспечения в ней единства и максимального соответствия закону, влияние на регламентацию и развитие правового положения участников стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: постановления Пленума Верховного Суда РФ; проверка и разрешение сообщений о преступлениях; заявитель; потерпевший; судебный контроль за законностью решений на стадии возбуждения уголовного дела.

LEGAL POSITION OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE ORDER OF CHECKS AND PERMISSIONS FOR CRIME REPORTS

Vyacheslav Vladimirovich Nikoliuk, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Doctor of Law, professor, honored scientist of the Russian Federation

This article examines the legal nature and the role of judgments of the Supreme Court of the Russian Federation in the administration of justice, their place in the «organization» of the preliminary investigation law enforcement bodies, prosecution and trial from the point of view of its unity and maximum compliance with the law, the impact on the regulation and development of the participants' legal provisions on the stage of criminal case bringing.

Keywords: Resolution of the Russian Federation Supreme Court Plenary; control and resolution of crime reports; applicant; victim; judicial review of the legality of the decisions on the stage of criminal case bringing.

Несмотря на ведущуюся в теории права полемику о роли постановлений Пленума Верховного Суда РФ в осуществлении правосудия, досудебного уголовного судопроизводства, вряд ли можно отрицать их значение и влияние на практику не только нижестоящих судов, но и других субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Не вдаваясь в детали ведущейся дискуссии по этому вопросу, отметим сформировавшиеся позиции относительно места постановлений Пленума Верховного Суда РФ в «организации» правоприменительной деятельности с точки зрения обеспечения в ней единства и максимального соответствия закону.

Имеются как сторонники, так и противники относительно правовой природы постановлений пленумов высших судов, признания их источниками права [9; 11, с. 32-35; 13, с. 157; 15, с. 20-21; 24, с. 51-57]. Аргументируется и точка зрения, согласно которой в отечественной нормативно-законодательной системе как прецедентная судебная практика, так и правоположения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, не могут выступать в качестве первичного источника права. Это всегда вторич-

ные правовые нормы. Но это не исключает ссылки на постановления Пленума или Президиума Верховного Суда РФ в решении по конкретному делу [1, с. 7; 2, с. 7; 16, с. 214].

Интересная характеристика природы постановлений Пленума высшего судебного органы страны давалась специалистами по общей теории права в середине прошлого века. Практика принятия таких постановлений называлась прецедентной, поскольку давала прецедент толкования уголовно-правовой нормы [7, с. 3]. Развивая этот тезис, другие авторы отмечали, что «в отличие от прецедента как источника нормы права, прецедентная практика не ведет к созданию новой юридической нормы, а связана с разъяснением уже существующей нормы права с выработкой определенного, «устоявшегося» положения о применении нормы права по аналогичным делам... В постановлениях и определениях высших судебных органов по делам указанного рода содержится типовое решение, образец для решения «через пример». Они поэтому в какой-то мере приобретают нормативное значение» [28, с. 58].

Основываясь на тексте ч. 1 ст. 120 Конституции РФ («Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону»), А.В. Наумов приходит к выводу, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ наряду с процессуальными формами судебного надзора являются разновидностью полномочий Верховного Суда по судебному надзору за деятельностью судов, результатом обобщения надзорной деятельности Верховного Суда, обязательны для нижестоящих судов [22, с. 63].

По мнению Д. Марданова, основное назначение разъяснений пленумов заключается в толковании закона в форме разъяснения и создании подзаконных юридических норм, т. е. правовых позиций, являющихся результатом обобщения судебной практики [19, с. 53].

А.В. Малько и Е.Г. Тутынина полагают, что накопилось достаточно аргументов в пользу признания разъяснений Верховного Суда РФ источниками российского права. «В частности, по общему правилу, следует считать обязательными все решения судов, принятые в рамках их компетенции. Такая ситуация существует и на практике, поскольку имеется достаточно высокая дисциплина подчинения нижестоящих судов данным разъяснениям Верховного Суда РФ. Можно говорить об их фактической обязательности для судов общей юрисдикции, поскольку Верховный Суд РФ исходит из правильности предложенного им толкования права, а значит, решения нижестоящего суда, вступающего в противоречие с его позицией, при обжаловании с высокой степенью вероятности будут отменены как незаконные. Таким образом, признак общеобязательности у разъяснений Верховного Суда РФ присутствует. Нормативность этих разъяснений выражается в самом абстрактном способе их изложения, непсонифицированном характере и возможности неоднократного применения. Что касается формальной определенности, то это свойство с предельной наглядностью проявляется в официальном документальном закреплении разъяснений, в виде постановлений Пленума Верховного Суда РФ, особом порядке создания, публикации и т.п. Поэтому разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики, по существу, обладают всеми основными признаками нормативно-правового акта» [18, с. 38-39].

Автору импонирует точка зрения, согласно которой разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в форме постановлений обязательны не только для нижестоящих судов, но и для других органов государственной власти, частных и юридических лиц и рассматриваются как «скрытый» источник права, эффективный для целей обеспечения единообразного толкования законодательства [3, с. 186]. С учетом тематики статьи важно обратиться к тем из них, которые касаются стадии возбуждения уголовного дела и, соответственно, дополняют систему нормативных предписаний, служащих основой правоохранительной деятельности на данном этапе уголовного процесса.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в

уголовном судопроизводстве» содержится следующее разъяснение, которое, по нашему мнению, принципиально значимо для участников уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела. «В силу части 1 статьи 42 УПК РФ, – разъяснил в п. 3 указанного Постановления Верховный Суд РФ, – лицо, которому преступлением причинен вред, приобретает предусмотренные уголовно-процессуальным законом права и обязанности с момента вынесения дознавателем, следователем, руководителем следственного органа или судом постановления о признании его потерпевшим. Вместе с тем следует иметь в виду, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им» [6]. Из данного положения вытекают, как минимум, следующие выводы.

1. В случаях, когда заявителю, т.е. физическому или юридическому лицу, обратившемуся с заявлением о преступлении в соответствии со ст. 141 УПК РФ, непосредственно запрещенным уголовным законом деянием причинен вред, в рамках проверки заявления о преступлении в порядке гл. 19-20 УПК РФ он может использовать для защиты своих интересов права, предусмотренные ст. 42 УПК РФ применительно к досудебному производству, независимо от того, что еще не возбуждено уголовное дело и он не признан потерпевшим.

Согласно современным нормам УПК РФ, рассмотрение заявления (сообщения) о преступлении сопровождается не только процессуальными проверочными действиями и исследованиями (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), но и производством определенных следственных действий (осмотр места происшествия – ч. 2 ст. 176 УПК РФ; эксгумация и осмотр трупа – ч. 4 ст. 178 УПК РФ; освидетельствование – ч. 1 ст. 179 УПК РФ). В связи с этим заявитель, являющийся фактическим потерпевшим, надо полагать, вправе заявлять ходатайства о проведении следственных действий (п. 5 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайствам (п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК РФ).

В анализируемой ситуации заявитель может реализовать и право потерпевшего представлять доказательства (п. 4 ч. 2 ст. 42, ч. 2 ст. 86 УПК РФ). Если вред причинен юридическому лицу, которое обратилось с заявлением о преступлении в порядке ст. 141 УПК РФ, его интересы в рамках проводимой проверки заявления о преступлении может отстаивать представитель потерпевшего (п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ).

2. При бесспорном установлении факта причинения вреда заявителю следователь, дознаватель, руководствуясь ч. 1 ст. 42 УПК РФ и приведенным выше разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, имеют основания для признания его потерпевшим еще до возбуждения уголовного дела. В юридической литературе, в период действия УПК РСФСР, высказывались заслуживающие внимания предложения по совершенствованию процессуального статуса заявителя. По мнению В.В. Степанова, например, его необходимо было наделить такими дополнительными правами, как право обжаловать отказ в приеме заявления, знакомиться с материалами предварительной проверки по ее завершении, заявлять ходатайства, представлять дополнительные данные [27, с. 12-19]. Аналогичной позиции придерживалась Т.Н. Москалькова [21, с. 60-68]. Предлагалось также вновь расширить круг прав рассматриваемого участника, поскольку существующие права и предлагаемые в новациях положения не отражали в полной мере интересов заявителя, например, возмещение понесенных в связи с участием в уголовно-процессуальной деятельности расходов, реализация интереса в объективном (с позиции заявителя) разрешении его сообщения о преступлении [20, с. 53].

В настоящее время эти предложения частично реализованы законодателем. Так, право заявителя обжаловать отказ в приеме сообщения о преступлении непосредственно в законе не закреплено. Оно вытекает из содержания ст. 123–125 УПК РФ, устанавливающих общее право на обжалование любыми участниками судопроизводства незаконных действий (бездействия) и решений должностных лиц. Вполне естественно, что

эти действия и решения могут быть связаны и с приемом, а также регистрацией сообщения.

Опираясь на опыт, накопленный в зарубежных странах, С.А. Синенко предложил внести в законодательство изменения в части определения процессуального статуса лица, пострадавшего от преступления и обратившегося в компетентные органы с заявлением о преступлении. По мнению ученого, первое предложение, содержащееся в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, необходимо изложить в следующей редакции: «Потерпевшим является обратившееся с заявлением о преступлении физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо, в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации» [26, с. 27]. С учетом того, что потерпевший не всегда на первоначальном этапе судопроизводства получает статус заявителя, второе предложение ч. 1 ст. 42 УПК РФ, по мнению С.А. Синенко, можно изложить в следующей редакции: «Физическое или юридическое лицо может быть признано потерпевшим также на основании постановления дознавателя, следователя или судьи либо определения суда» [26, с. 28]. Кроме того, автор исходит из целесообразности дополнения ст. 42 УПК РФ частью 2¹ в следующей редакции: «В случае, если потерпевший одновременно является заявителем, то он обладает правами, предусмотренными для этого участника судопроизводства, указанными в статьях 141, 144, 146, 148 настоящего Кодекса» [26].

Полагаем, что реализация данных предложений окажет положительное влияние на обеспечение прав и законных интересов лиц, которым преступлением был причинен вред. До внесения в УПК РФ подобных изменений надлежит руководствоваться приведенными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ.

Принципиальное значение для стадии возбуждения уголовного дела имеет и сформулированная Пленумом Верховного Суда РФ правовая позиция, отраженная в п. 2 Постановления от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [25], где говорится, что помимо постановлений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела судебному обжалованию в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ подлежат иные решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, либо могут затруднить доступ граждан к правосудию. Далее дается пояснение, о каких иных решениях и действиях идет речь, и приводится их перечень. В этом списке, в частности, указаны постановление дознавателя, следователя и руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, отказ в приеме сообщения о преступлении либо бездействие при проверке этого сообщения, которые не упоминаются в ч. 1 ст. 125 УПК РФ.

В пункте 4 названного постановления разъяснено, что, по смыслу ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в порядке ст. 125 УПК РФ могут быть также обжалованы решения и действия должностных лиц, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению, пресечению преступлений, а также проверке поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении в порядке выполнения поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания. Данное разъяснение было неоднозначно воспринято учеными-юристами, небезосновательно считающими, что применение различных судебных процедур (уголовно-процессуальной либо гражданской процессуальной) для проверки жалоб (заявлений) на решения и действия должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению, пресечению преступлений, в зависимости от того, осуществлялись ли они до появления повода для возбуждения уголовного дела или в рамках проверки такового по

поручению органа дознания, следователя, имеет формальный, искусственный характер [10, с. 60-63; 23, с. 58-62].

В анализируемом постановлении Пленума Верховного Суда РФ даны разъяснения и относительно предмета проверки судом законности и обоснованности постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 14) и о возбуждении уголовного дела (п. 16).

В вопросе о применении норм уголовно-процессуального или гражданского законодательства в части регулирования ими судебной проверки законности проведенных оперативно-розыскных мероприятий в целях обнаружения, выявления и пресечения преступлений должны приниматься во внимание разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих». В пункте 7 данного постановления разъяснено, что в порядке, предусмотренном гл. 25 ГПК РФ, могут быть оспорены действия должностных лиц, совершенные ими при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и не подлежащие обжалованию в порядке уголовного судопроизводства [5, с. 9]. Нетрудно заметить, что данное разъяснение имеет отсылочный характер [8, с. 5]. Однако ни в УПК РФ (ст. 125), ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [29], ни в судебной практике [12, с. 21; 14, с. 58-75; 17, с. 59-61] четкой позиции об отраслевой принадлежности жалоб на действия должностных лиц, совершенные ими при осуществлении ОРМ по выявлению и пресечению преступления, нет.

Своеобразную позицию по обсуждаемому вопросу выразил в 2005 г. Верховный Суд РФ, рассматривая конкретное дело. Суть его заключается в следующем. Основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий послужила информация о нарушении Л. налогового законодательства. В отношении заявителя было заведено оперативное дело, а уголовное дело возбуждено после проведения оспариваемых ОРМ, которые, по утверждению ответчиков, проводились на стадии, когда речь шла о правонарушении, а не о преступлении. Оценивая данные обстоятельства, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 12 октября 2005 г. № 14-Г05-25 указала: если по результатам ОРМ возбуждено уголовное дело, то действия и решения сотрудников органов внутренних дел, связанные с проведением указанных мероприятий, обжалованию в порядке гражданского судопроизводства не подлежат [4].

Подводя итоги изложенному, надлежит отметить, что ряд правовых позиций Верховного Суда РФ (правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им; судебному обжалованию в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ подлежат постановления дознавателя, следователя и руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, отказ в приеме сообщения о преступлении либо бездействие при проверке этого сообщения; в порядке ст. 125 УПК РФ могут быть обжалованы решения и действия должностных лиц, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению, пресечению преступлений, а также проверке поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении в порядке выполнения поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания) непосредственно касается стадии возбуждения уголовного дела и дополняет систему нормативных предписаний, на которых основывается правоохранительная деятельность на данном этапе уголовного процесса.

Литература

1. Анишина В.И. Правотворчество в деятельности Верховного Суда Российской Федерации: форма и проблемы реализации // Российский судья. 2011. № 11.
2. Анишина В.И. Постановления Пленумов высших судов Российской Федерации: правовая природа, место и роль в правовой системе // Российский судья. 2008. № 5.
3. Бурков А.Л. Статус постановлений Пленума Верховного Суда РФ в законодательстве и судебной практике // Правоведение. 2011. № 5.
4. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 10.
5. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.
6. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 9.
7. Венгеров А.Б. О прецедентном толковании правовой нормы // Ученые записки ВНИИ-ИСЗ. М., 1966. Вып. 6.
8. Волинский В.В. Судебный контроль в стадии возбуждения уголовного дела (предмет, процессуальная форма) // Российский следователь. 2009. № 11.
9. Гук П.А. Судебная практика Верховного Суда как источник права // Судебный прецедент как источник права. Пенза, 2000.
10. Гусев В.А. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории и практики. Хабаровск, 2011.
11. Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 3.
12. Дочия И.Р. Современные проблемы института судебной проверки жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования и прокурора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
13. Загайнова С.К. Судебный прецедент и разъяснения пленума Верховного Суда РФ // Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002.
14. Ковтун Н. Н., Ярцев Р. В. Практика судебного контроля за решениями и действиями (бездействием) публичных процессуальных органов, ограничивающими права и законные интересы личности в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. Н. Новгород, 2006.
15. Колоколова Э., Мартыничик Е. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. 1994. № 12.
16. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001. С. 214.
17. Левинова Т.А. Обжалование действий и решений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность: проблемы правоприменения // Российская юстиция. 2011. № 6.
18. Малько А.В., Тутынина Е. Г. Акты Верховного Суда Российской Федерации как важнейшие средства судебной политики // Российская юстиция. 2012. № 12.
19. Марданов Д. Возрастание роли суда в правоприменительном процессе // Российская юстиция. 2012. № 1.
20. Марфицин П.Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993.
21. Москалькова Т.Н. Охрана прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы совершенствования законодательства об охране прав граждан в сфере борьбы с преступностью. Ярославль, 1984.
22. Наумов А.В. Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ по применению уголовного законодательства // Уголовное право. 2011. № 2.
23. Николюк В.В. К вопросу о судебном контроле за оперативно-розыскными мероприятиями // Оперативник (сыщик). 2011. № 3(28).
24. Рарог А. И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Государство и право. 2001. № 2.
25. Российская газета. 2009. 18 февраля.
26. Синенко С.А. Правовой статус лица, потерпевшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2012. № 2.
27. Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972.
28. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. М., 1975.

29. Юридический портал «КиН». URL: <http://advokat-kin.ru/e-store/zakon/143/725/> (дата обращения: 21.04.2013).

УДК 343.1

ПОДСЛЕДСТВЕННОСТЬ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Сергей Владимирович Супрун, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

Автор статьи на основе действующего уголовно-процессуального законодательства исследует правовое положение органов предварительного следствия Следственного комитета Российской Федерации, анализирует проблемы правового регулирования подследственности в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: подследственность; несовершеннолетние; возбуждение уголовного дела; следователь Следственного комитета Российской Федерации.

COMPETENCE OF BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION CONCERNING MINORS

Sergey Vladimirovich Suprun, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

The author of article on the basis of the existing criminal procedure legislation investigates a legal status of bodies of preliminary investigation of Investigative committee of the Russian Federation, analyzes problems of legal regulation of competence concerning minors.

Keywords: competence; minors; initiation of legal proceedings; investigator of Investigative committee of the Russian Federation.

Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» пункт 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ был дополнен подпунктом «г»: в персональный вид подследственности следователя Следственного комитета Российской Федерации была включена категория несовершеннолетних.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР включал категорию несовершеннолетних, совершивших преступления, в персональный вид подследственности следователя органов внутренних дел. По уголовным делам в отношении несовершеннолетних проводилось предварительное следствие. С отказом законодателя от советской идеологии в российском уголовном процессе следователь органов внутренних дел был лишен персонального вида подследственности по возбуждению и расследованию уголовных дел в отношении несовершеннолетних. С вступлением в законную силу УПК РФ, до принятия названного выше федерального закона, уголовные дела в отношении несовершеннолетних возбуждались и расследовались органами предварительного следствия и дознания, которым они были подследственны по квалификации совершенных преступлений.

Научная идея о целесообразности расследования преступлений в отношении несовершеннолетних органом предварительного следствия Российской Федерации, мно-

гократно опробированная и положительно зарекомендовавшая себя в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного следствия МВД РСФСР, долгое время не находила законодательного закрепления в нормах уголовно-процессуального права. В декабре 2010 г. законодатель вспомнил про эту давно забытую идею и вновь вернул ее в правовую ткань уголовного процесса. Органам предварительного следствия Следственного комитета Российской Федерации Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ было предоставлено «исключительное» право на возбуждение и расследование уголовных дел в отношении несовершеннолетних. В соответствие с данным федеральным законом следователь Следственного комитета Российской Федерации получил процессуальные полномочия возбуждать и расследовать уголовные дела по тяжким и особо тяжким преступлениям, совершенным несовершеннолетними либо в отношении несовершеннолетних (пп. «г» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК). Согласно статистическим данным, у сотрудников центрального аппарата Следственного комитета Российской Федерации на начало 2013 г. на контроле находилось 2837 уголовных дел о преступлениях, совершенных подростками и в отношении их [2].

Председателем Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкиным перед подчиненными ему органами предварительного следствия была поставлена профессиональная задача о раскрытии всех тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними либо в отношении их: «Ни одно такое преступление не должно остаться нераскрытым, в том числе и совершенное в прошлые годы. Эта задача должна быть выполнена с максимальной эффективностью, чтобы обеспечить важнейший принцип неотвратимости наказания» [1].

Проецируя персональный вид подследственности следователя Следственного комитета Российской Федерации на предметный вид подследственности органов предварительного следствия ФСБ, МВД и ФСКН России, можно увидеть, что в своей совокупности большинство тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении их, по квалификации подследственны следователю Следственного комитета Российской Федерации. Если тяжкое или особо тяжкое преступление, совершаемое несовершеннолетним, по квалификации подследственно следователю Следственного комитета, то после возбуждения уголовного дела по этому преступлению обязательно будет проводиться предварительное следствие следователем Следственного комитета Российской Федерации. В связи с этим возникает не риторический вопрос о том, будет ли для следователя Следственного комитета Российской Федерации персональный вид подследственности иметь доминирующее значение при возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего?

Ответ на поставленный нами вопрос юридической сложности не представляет. При конкуренции персонального и предметного видов подследственности на момент возбуждения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, персональный вид подследственности утрачивает свое доминирующее значение. По правовой силе персональный вид подследственности будет тождествен предметному виду подследственности.

Категория несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой или средней тяжести либо пострадавших при совершении преступлений небольшой или средней тяжести, не содержится в пп. «г» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, поэтому не входит в персональный вид подследственности следователя Следственного комитета Российской Федерации. Предварительное расследование уголовных дел по преступлениям небольшой и средней тяжести в отношении несовершеннолетних проводится органом предварительного расследования, которому они подследственны по квалификации.

Подытоживая сказанное выше, можно сделать промежуточный вывод о том, что научная идея о целесообразности расследования преступлений в отношении всех несовершеннолетних органом предварительного следствия Российской Федерации независимо от вида и тяжести совершенного преступления получила частичную реализацию в

Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ. Разобраться в обоснованности правовой позиции законодателя и выяснить, почему категория несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой или средней тяжести либо пострадавших при совершении преступлений небольшой или средней тяжести, не вошла в содержание персонального вида подследственности следователя Следственного комитета Российской Федерации, без научного исследования законодательства, регулирующего данный вид подследственности, не представляется возможным.

В поисках научного ответа на поставленный нами вопрос обратимся к пп. «б» и «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ. Данные нормы утверждают перечень должностных лиц, имеющих особый статус в государстве, а также перечень должностных лиц правоохранительных органов и военнослужащих, входящих в персональный вид подследственности следователя Следственного комитета Российской Федерации. В нормах, содержащихся в пп. «б» и «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, законодатель не соединяет статус должностного лица с категорией тяжести совершенного преступления. При совершении преступления должностным лицом правоохранительного органа или военнослужащим тяжесть совершенного преступления для персонального вида подследственности следователя Следственного комитета Российской Федерации юридического значения не имеет.

При возбуждении уголовного дела в отношении должностного лица либо военнослужащего персональная подследственность у следователя Следственного комитета Российской Федерации возникает при условии, если совершенное преступление связано со служебной деятельностью должностного лица либо прохождением воинской службы. Совершенное должностным лицом или военнослужащим преступление на момент возбуждения уголовного дела следователем Следственного комитета Российской Федерации может быть отнесено к категории небольшой или средней тяжести либо к категории тяжкого или особо тяжкого преступления.

Процеируя используемую законодателем правовую технологию построения персонального вида подследственности следователя Следственного комитета Российской Федерации на категорию несовершеннолетних, можно увидеть, что она нуждается в дополнительном нормативном регулировании. В персональный вид подследственности должны входить все несовершеннолетние, в том числе несовершеннолетние, совершившие преступления небольшой или средней тяжести, а также несовершеннолетние, пострадавшие в результате совершения преступлений небольшой или средней тяжести. По нашему мнению, категория несовершеннолетних в персональном виде подследственности следователя Следственного комитета Российской Федерации должна быть реализована полно и юридически не зависеть от вида и тяжести совершенного преступления. Именно такую правовую позицию законодатель занимает при построении персонального вида подследственности, в частности, по отношению к должностным лицам, имеющим особый статус в государстве, должностным лицам правоохранительных органов и военнослужащим.

При выявлении преступлений небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетними или в отношении их, следователь Следственного комитета Российской Федерации должен иметь право возбуждать уголовные дела и проводить по ним предварительное расследование. Если преступление небольшой или средней тяжести, совершенное несовершеннолетним или в отношении его, подследственно другому органу предварительного следствия, то по нему должно проводиться предварительное следствие следователем Следственного комитета Российской Федерации.

Если преступление небольшой или средней тяжести, совершенное несовершеннолетним либо в отношении его, по квалификации подследственно органу дознания, то по нему должно проводиться предварительное расследование следователем Следственного комитета Российской Федерации в форме дознания (п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ). По завершении правовой реформы органов предварительного расследования, окончатель-

ного перераспределения законодателем процессуальных полномочий между органами предварительного следствия и дознания, полномочия по возбуждению и расследованию уголовных дел в отношении несовершеннолетних, совершивших или пострадавших в результате совершения преступлений небольшой или средней тяжести, законодателем могут быть возложены на следователя *единого* Следственного комитета Российской Федерации.

В этом направлении уже сделан первый организационный шаг. В структуре Следственного комитета в федеральных округах Российской Федерации созданы и действуют отделы по контролю за расследованием преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних. Отделы включены в состав управлений процессуального контроля за расследованием особо важных дел. Деятельность таких отделов, по мнению компетентных должностных лиц Следственного комитета, позволит более эффективно анализировать практику предварительного расследования, обобщать положительный опыт производства предварительного следствия, вырабатывать наиболее эффективные методы раскрытия и расследования преступлений, своевременно применять профилактические меры предупреждения преступлений, обеспечивать максимальную защиту прав и свобод несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве [2].

Литература

1. Практика расследования преступлений в отношении несовершеннолетних. URL: http://gazetaingush.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4261:2011-04-21-07-14-33&catid=7:2009-05-05-20-25-05&Itemid=7
2. СК решил создать спецотдел для расследования преступлений против детей. URL: <http://www.vz.ru/news/2012/12/10/611098.html> (дата обращения: 27.01.2013).

УДК 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Николай Николаевич Егоров, профессор кафедры
Московского государственного университета им. О.Е. Кутафина
доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются процессуальные формы использования специальных знаний на стадии предварительного расследования: применение специальных знаний лицом, осуществляющим предварительное расследование; привлечение специалиста для участия в следственных действиях; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста. Анализируется конкуренция процессуальных норм между заключением эксперта и заключением специалиста, которая разрешается в пользу первого.

Ключевые слова: специальные знания; заключение эксперта; заключение специалиста; случаи обязательного назначения экспертизы; форма заключения эксперта.

PRACTICING OF SPECIAL FORMS OF KNOWLEDGE DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Nikolai Nicolayevich Egorov, chair professor of Moscow State University
named after O.E. Kutafin Doctor of Law, professor

The article concerns the problem of special procedural forms of knowledge practicing during the preliminary investigation: practice of special knowledge by a person performing preliminary investigation, employing an expert in the process of investigation, the expert's conclusion and testimony, the specialist's testimony. The author analyzes the competition between the procedural rules of the expert's opinion and specialist's testimony that is resolved in favor of the first.

Keywords: expertise; expert; professional judgment; cases mandatory appointment examination; form of expert opinion.

В процессе расследования уголовных дел часто приходится решать вопросы, требующие привлечения специальных знаний из различных областей науки, техники, искусства или ремесла. Ключевым при этом являются понятия знаний и специальных знаний.

Знание определяют как продукт общественной материальной и духовной деятельности людей, представляющий идеальное выражение в знаковой форме объективных свойств и связей мира [15, с. 150-151]. Знания постоянно развиваются, углубляются, иногда существенно изменяются. Их принято делить на обыденные (житейские, донаучные) и научные. Обыденные и научные знания тесно связаны между собой, граница между ними подвижна, поэтому иногда возникает сложность в ее определении.

Обыденное знание – исторически первая форма существования знания, складывающаяся стихийно в результате повседневной трудовой деятельности человека и на основании его личного опыта. С возникновением науки стало выявляться отличие между

обыденным знанием и тем, которое получено в результате деятельности ученых, направленной на решение конкретных познавательных задач.

Научные знания передаются с помощью организованного обучения, которое является основной формой образования, а также путем самообразования. Специальные знания, являясь разновидностью научных знаний, приобретаются в результате целенаправленной профессиональной подготовки и опыта работы в какой-либо области деятельности и представляют собой систему знаний об определенных объектах, явлениях и закономерностях, изучаемых данной областью науки. А поскольку правовые знания также приобретаются в результате целенаправленной подготовки и опыта работы, то они, по общей договоренности, не входят в специальные в уголовно-процессуальном понимании.

Таким образом, *специальными (в уголовно-процессуальном смысле)* будут систематизированные научные знания, умения и навыки (исключая знания в области материального и процессуального права), полученные в результате целенаправленной профессиональной подготовки и опыта работы, которые используются в целях собирания и исследования фактических данных о преступном деянии.

На применение специальных знаний распространяются действующие в праве общие принципы:

- *соблюдение законности* – знания применяются лишь тогда, когда это прямо предусмотрено или рекомендовано законом или не противоречит ему по своей сущности;

- *научная состоятельность* – применяются лишь те знания, которые имеют научное обоснование;

- *соблюдение прав личности* – применение специальных знаний не должно унижать честь и достоинство личности и препятствовать осуществлению процессуальных прав;

- *безопасность* означает, что могут применяться только те методы и приемы, которые не создают опасности для жизни и здоровья граждан и не могут повлечь уничтожения материальных ценностей;

- *эффективность* означает, что в первую очередь применяются те знания, которые позволяют быстро исследовать интересующий объект и получить о нем сведения, необходимые для раскрытия, расследования и предупреждения преступления;

- *применение специальных знаний уполномоченными на то лицами* – применять такие знания вправе только те субъекты, которые прямо уполномочены на это законом;

- *сохранение исследуемого объекта* предполагает, что только эксперт, и то лишь при определенных условиях, может проводить исследования, влекущие порчу или уничтожение представленного следователем объекта;

- *экономичность* – необходимо, в первую очередь, применять те знания, которые связаны с наименьшими затратами сил, средств и времени [6, с. 403-404].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает следующие процессуальные формы использования специальных знаний:

- применение специальных знаний лицом, осуществляющим предварительное расследование;

- привлечение специалиста для участия в следственных действиях;

- заключение и показания эксперта;

- заключение и показания специалиста.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен самостоятельно определять ход расследования и принимать решение о производстве следственных действий, направленных на собирание, исследование, оценку и использование доказательств. Таким образом, применение специальных знаний лицом, осуществляющим предварительное расследование, является наиболее поощряемой формой использования специальных знаний. По общему правилу, следователь (дознатель) имеет право в

полном объеме использовать специальные знания для собирания и предварительного исследования доказательств, за исключением того, что ему запрещено законом. В настоящее время законом лицу, осуществляющему предварительное расследование, запрещено совмещать функции следователя, специалиста и эксперта по уголовному делу (п. 2 ч. 1 ст. 61 УПК РФ), а также применять методы исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств, что позволено только эксперту с разрешения дознавателя, следователя и суда (п. 3 ч. 4 ст. 57 УПК РФ).

Данные запреты имеются в законодательстве не всех стран. Например, в США коронер, если он является по образованию врачом, в некоторых случаях сам может произвести вскрытие [13].

Действующее законодательство выделяет три варианта привлечения специалиста для участия в следственных действиях:

- а) специалист является обязательным участником следственного действия;
- б) участие специалиста рекомендуется законом;
- в) привлечение специалиста относится к компетенции следователя (дознавателя).

Законом предусмотрены следующие случаи обязательного участия специалиста при производстве следственных действий:

1) участие судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача, при наружном осмотре трупа, при эксгумации и осмотре трупа (ч. 1, 4 ст. 178 УПК РФ);

2) участие врача при освидетельствовании лица другого по отношению к следователю пола, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица (ч. 4 ст. 179 УПК РФ);

3) участием педагога при допросе потерпевшего или свидетеля в возрасте до четырнадцати лет (ч.1 ст. 191 УПК РФ);

4) участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (ч. 3 ст. 425 УПК РФ);

5) участие переводчика, если участники уголовного судопроизводства не владеют или недостаточно владеют языком, на котором ведется производство по уголовному делу (ч. 2 ст. 18 УПК РФ).

Законом, по усмотрению следователя, рекомендовано участие педагога при допросе потерпевшего или свидетеля в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

В остальных случаях следователь привлекает специалиста для участия в следственных действиях по своему усмотрению.

Представляется, что перечень случаев обязательного участия специалистов при производстве следственных действий может и должен быть расширен. Следует предусмотреть: обязательное участие специалиста-взрывотехника при осмотре места взрыва, взрывчатых веществ и взрывных устройств; участие соответствующих специалистов при осмотре радиоактивных и ядовитых веществ. Привлечение специалистов для работы с вышеуказанными опасными объектами необходимо для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

До внесения изменений в УПК РФ Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ заключение эксперта являлось основной формой использования специальных знаний на стадии предварительного расследования [7, с. 50-58; 11, с. 11; 12, с. 15], поскольку специалист определялся законом как помощник следователя, привлекаемый к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств.

Вышеуказанный федеральный закон, введя такую форму использования специальных знаний, как заключение специалиста, не только сделал специалиста самостоятельной фигурой использования специальных знаний, но и невольно противопоставил заключение специалиста и заключение эксперта, создав между ними конкуренцию. Эта конкуренция на стадии предварительного расследования, как нам представляется, разрешается в пользу заключения эксперта по следующим основаниям.

Во-первых, законом предусмотрены случаи обязательного назначения экспертизы (ст. 196 УПК РФ). В некоторых случаях это является необходимым, исходя из руководящих указаний Верховного Суда РФ:

1) для решения вопроса о том, являются ли оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами предметы, которые лицо незаконно носило, хранило, приобрело, изготовило, сбыло или похитило, по делу необходимо проведение экспертизы (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», с изменениями и дополнениями, внесенными Постановлением Пленума от 6 февраля 2007 г. № 7);

2) для определения вида средств и веществ (наркотическое, психотропное или их аналоги, сильнодействующее или ядовитое), их размеров, названий и свойств, происхождения, способа изготовления, производства или переработки, а также для установления принадлежности растений к культурам, содержащим наркотические вещества, суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»);

3) для правильного разрешения вопросов, требующих специальных познаний в области экологии, в том числе и при определении размера вреда, причиненного экологическим правонарушением, по делу должны проводиться соответствующие экспертизы с привлечением специалистов: экологов, санитарных врачей, зоологов, ихтиологов, охотоведов, почвоведов, лесоводов и других (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»).

Случаи обязательного назначения судебной экспертизы вытекают также из руководящих указаний различных вышестоящих судебных инстанций:

- 1) для установления технической причины аварии на транспорте [8, с. 8];
- 2) наличия или отсутствия факта монтажа аудиозаписи [4, с. 14];
- 3) для идентификации человека по голосу на пленке аудиозаписи [2, с. 14];
- 4) для установления, имеют ли похищенные предметы и документы особую историческую, научную, художественную или культурную ценность [1, с. 8], а также для определения их стоимости в рублях [3, с. 15-16];
- 5) для определения стоимости имущества при отсутствии на него розничных цен [5, с. 13-14];
- 6) фактов и способов подделки документов, денежных знаков и ценных бумаг [8, с. 8] и др.

В некоторых случаях назначение судебных экспертиз не предусмотрено законом и указаниями судебных инстанций, но они назначаются исходя из исторически сложившихся тенденций, либо когда без них просто не обойтись:

1) для решения идентификационных задач – отождествления конкретного объекта по различным отображениям или отделившимся от него частям (например, при проведении всех традиционных криминалистических идентификационных экспертиз, при идентификации человека по геному и др.);

2) для восстановления характеристик и свойств объекта при решении реставрационных [9, с. 80-81] или реституционных [14, с. 49] задач.

Случаев же обязательного применения заключения специалиста законом не установлено.

Во-вторых, за дачу заведомо ложного заключения эксперт несет ответственность в соответствии со ст. 307 УК РФ (ч. 5 ст. 57 УПК РФ). Такой же ответственности для специалиста законом не установлено. Таким образом, специалист при высказывании своих суждений ничем не связан и может высказывать любые суждения, что нередко на практике и происходит.

В-третьих, законом предусмотрено ознакомление указанных в законе лиц с постановлением о назначении экспертизы и заявление ими при этом ходатайств (ст. 198 УПК РФ), что для заключения специалиста не предусмотрено. Данное обстоятельство существенно нарушает процессуальные права соответствующих участников уголовного судопроизводства при использовании специальных знаний на стадии предварительного расследования.

В-четвертых, специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза [10, п. 20]. Данное положение является весьма важным на стадии предварительного расследования, поскольку именно установление существа и содержания доказательства может являться важным обстоятельством в доказывании по уголовному делу.

В-пятых, ст. 204 УПК РФ предусмотрена форма заключения эксперта, которая еще более детализирована в ст. 25. Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в ред. федеральных законов от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ, 5 февраля 2007 г. № 10-ФЗ, 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ).

Такая же форма для заключения специалиста законом не предусмотрена. А поскольку законодатель придает немаловажное значение процессуальной форме, особенно процессуальной форме осуществления отдельных процессуальных действий, то она нуждается в отдельном рассмотрении.

В соответствии с вышеуказанными нормативными актами в заключении эксперта или комиссии экспертов указываются:

- 1) дата, время и место производства судебной экспертизы;
- 2) основания производства судебной экспертизы;
- 3) сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- 4) сведения об экспертном учреждении, а также фамилия, имя и отчество эксперта, его образование, специальность, стаж работы, ученая степень и (или) ученое звание, занимаемая должность;
- 5) сведения о предупреждении эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- 6) вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- 7) объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы;
- 8) сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- 9) содержание и результаты исследований с указанием примененных методов и методик;
- 10) оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам;
- 11) в случае установления обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых эксперту (комиссии экспертов) не были поставлены вопросы, то он (они) вправе указать на них в своем заключении;

12) материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов (фотографии, схемы, графики и т.п.), прилагаются к заключению и служат его составной частью;

13) документы, фиксирующие ход, условия и результаты исследований, хранятся в государственном судебно-экспертном учреждении. По требованию органа или лица, назначивших судебную экспертизу, указанные документы предоставляются для общения к делу;

14) подписи эксперта или комиссии экспертов удостоверяются печатью государственного судебно-экспертного учреждения.

Показания эксперта и специалиста являются производными от проведенных им исследований. Так, следователь вправе по собственной инициативе либо по ходатайству лиц, указанных в законе, допросить эксперта для разъяснения данного им заключения. Допрос эксперта до представления им заключения не допускается.

Вышеперечисленные обстоятельства делают невозможным использование заключения и показаний специалиста на стадии предварительного расследования.

Таким образом, на стадии предварительного расследования применяются следующие процессуальные формы использования специальных знаний:

- применение специальных знаний лицом, осуществляющим предварительное расследование;
- привлечение специалиста для участия в следственных действиях;
- заключение и показания эксперта.

Литература

1. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 6.
2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 11.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 5.
4. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 5.
5. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1976. № 10.
6. Ищенко Е.П., Егоров Н.Н. Криминалистика для следователей и дознавателей: науч.-практ. пособие / под общ. ред. А.В. Аничина. М., 2009.
7. Матусинский С.В. О сущности и понятии специальных познаний // Совершенствование законодательства: поиск и решения: сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Тюмень: ТВШ МВД РФ, 1993.
8. Михайлов В.А., Дубягин Ю.П. Назначение и производство судебной экспертизы в стадии предварительного расследования: учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД РФ, 1991.
9. Основы судебной экспертизы. Ч. 1. Общая теория / отв. ред. Ю.Г. Корухов. М.: РФЦСЭ, 1997.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». URL: <http://www.rg.ru/2010/12/30/postanovlenie-dok.ht>
11. Сидоров А.А. Проблемы участия специалистов в расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.
12. Сорокотягин И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992.
13. Судебно-медицинская экспертиза в США. URL: <http://www.forens-med.ru>
14. Толстухина Т.В. Современные тенденции развития судебных экспертиз на основе информационных технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
15. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 342.9

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ

Елена Николаевна Лихолет, начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются существующие в настоящее время проблемы федерального и ведомственного законодательства, касающиеся деятельности участковых уполномоченных полиции в Российской Федерации, на примере отдельно взятого субъекта (ЕАО). Автор приходит к выводу о том, что участковый уполномоченный полиции в ряде случаев не имеет возможности оперативно, в установленные законодательством Российской Федерации сроки осуществлять свои должностные полномочия в полном объеме и во всех определенных законом случаях. Кроме того, внесение указанных в статье изменений и дополнений в КоАП РФ, иные нормативные правовые акты позволило бы минимизировать временные затраты участкового уполномоченного полиции, улучшить качество выполняемой работы в рамках должностных обязанностей последнего.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции; административная ответственность; производство по делам об административных правонарушениях.

ON THE QUESTION OF IMPROVING THE ACTIVITY OF PRECINCT POLICE

Elena Nikolaevna Likholet, chair head of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

This article discusses the currently existing problems federal and departmental legislation concerning the activities of the police precinct in the Russian Federation, on the example of a single subject (EAO). The author concludes that the police precinct in some cases do not have the ability to quickly, within the laws of the Russian Federation deadlines to exercise their authority in full and in all cases determined by law, which generally reduces the effectiveness of the activities carried out by the latter. In addition, the introduction of the said article changes and amendments to the Administrative Code, other normative legal acts would minimize the time spent precinct police, improve quality, increase the amount of work performed under the duties of the latter.

Keywords: police precinct; administrative responsibility; proceedings on administrative violations.

Одной из целей реформы органов внутренних дел Российской Федерации является повышение эффективности исполнения органами внутренних дел важных государственных функций по защите личности, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение установленного общественного порядка и безопасности, а также развитие новых отношений между обществом и полицией, основанных на взаимном доверии, открытости и понимании.

В настоящее время важнейшим направлением деятельности полиции является производство по делам об административных правонарушениях. Существенный вклад в регулирование этой сферы общественных отношений вносят сотрудники органов внутренних дел и непосредственно участковые уполномоченные полиции. Анализ статистических данных, представленных Главным информационно-аналитическим центром МВД России, показывает, что за последние пять лет количество дел об административных правонарушениях, находящихся в производстве участковых уполномоченных полиции, неуклонно возрастает. Однако при этом выявляются факты нарушений требований закона, ограничения прав граждан при возбуждении и рассмотрении дел об административных правонарушениях. Так, по данным Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации Министерства внутренних дел Российской Федерации, ежегодно участковыми уполномоченными полиции совершается свыше тысячи нарушений процессуальных норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Причин такого положения дел несколько, главными из которых являются, во-первых, отсутствие четких, научно обоснованных методик и предложений, направленных на совершенствование производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого участковым уполномоченным полиции; во-вторых, недоверие населения к участковым уполномоченным полиции.

Так, согласно данным проведенного анкетирования среди жителей г. Биробиджана в возрасте от 20 до 65 лет, 47 % респондентов вовсе не уверены в эффективности работы участковых уполномоченных полиции, 30 % опрошенных не сталкивались с их работой, поэтому затрудняются в оценке, 15 % граждан в целом удовлетворены работой участковых уполномоченных полиции, и только 8 % респондентов оценили работу положительно.

Таким образом, объективно прослеживается необходимость в более обстоятельном исследовании вопросов производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого участковым уполномоченным полиции, его статуса в данном процессе и, на базе проведенного исследования, в подготовке соответствующих предложений и рекомендаций по совершенствованию указанной деятельности участкового.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях определил категории должностных лиц органов внутренних дел, уполномоченных составлять протоколы и рассматривать дела об административных правонарушениях. При этом важное место занимают участковые уполномоченные полиции как основное звено в организации предупреждения и пресечения административных правонарушений, что обусловлено не только их многочисленностью, но и наибольшей приближенностью к населению обслуживаемого участка.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [2] внес существенные изменения в деятельность органов внутренних дел в целом и в работу службы участковых уполномоченных полиции в частности. Он требует увеличения ответственности, большего внимания к выполнению своих должностных обязанностей каждым сотрудником полиции.

Закон четко определяет организацию системы отчетности участкового уполномоченного полиции перед населением. Один раз в три месяца участковый уполномоченный полиции подводит итоги своей работы: подсчитывает количество выявленных на административном участке правонарушений, их состав, собирает информацию о лицах, их совершивших, и так далее. В результате сотрудник полиции документально фиксирует полученные данные – составляет аналитическую справку, в которой изложены итоги работы за отчетный период. За 10 дней до оглашения окончательного отчета участковый различными способами оповещает население о времени и месте, где он сможет отчитаться о результатах своей деятельности. Как правило, такие встречи проходят в

виде собраний или сельских сходов. Реализация подобных отчетов позволяет сделать работу службы участковых уполномоченных полиции максимально прозрачной и более эффективной. Граждане имеют возможность беспрепятственно получать информацию о работе своего участкового, знакомиться с характером криминогенной обстановки в своем микрорайоне и мерах, которые применяются участковым уполномоченным для изменения сложившейся ситуации.

Основная обязанность современного участкового уполномоченного полиции – охрана общественного порядка на вверенной ему территории. Участковый уполномоченный полиции ближе других сотрудников органов внутренних дел стоит к населению, выполняет задачи и функции, относящиеся к компетенции практически всех служб, подразделений, аппаратов органов внутренних дел. Такое должностное положение во многом предопределяет универсальный характер его деятельности, требует высокого профессионализма, знания оперативной обстановки на участке, умения использовать в своей работе не только арсенал полицейских средств и методов, но и психолого-педагогических навыков. Участковый уполномоченный полиции каждодневно вступает в непосредственный контакт с самыми различными слоями населения. Он представляет конечное звено властных структур страны и, в связи с этим, при несении службы должен исходить не из субъективных убеждений, а опираться на действующие нормативные правовые акты. Особенностью правового положения участковых уполномоченных полиции является то, что им для решения поставленных задач поручено заниматься практически всеми видами деятельности, выполняемыми органами внутренних дел: организационной, профилактической, административно-надзорной, административно-процессуальной, уголовно-процессуальной и другими.

У каждого участкового уполномоченного полиции есть паспорт административного участка, где содержится вся информация о вверенной ему территории. Паспорт включает в себя следующие разделы: план административного участка; сведения, характеризующие участок: состав населения (учитывая расслоение по возрастному и профессиональному признакам); предприятия, организации и учреждения; фермерские хозяйства, лечебно-оздоровительные, образовательные учреждения; организации жилищно-коммунального хозяйства и связи; увеселительные заведения и гостиницы; объекты торговли и общественного питания; базы и склады; частные детективные и охранные предприятия; список лиц из числа жителей участка, находящихся в местах лишения свободы; список лиц, имеющих в личном пользовании оружие; внештатные сотрудники полиции; общественные объединения по охране правопорядка, а также сведения о преступлениях, совершенных на участке.

Следует заметить, что не всегда население обращается к участковому уполномоченному полиции с вопросами, входящими в компетенцию полиции, но уполномоченный, по возможности, должен помочь гражданину, который обратился к нему: решить вопрос самостоятельно, например, оказать помощь в оформлении необходимых документов или обращений, или же направить его в соответствующую инстанцию.

От своевременности и правильности принятия мер административной ответственности в конечном итоге зависит предупреждение правонарушений, а значит, и безопасность общества и граждан. Таким образом, реализуя свои полномочия в административно-процессуальной сфере, участковый уполномоченный полиции осуществляет возложенные на него задачи, то есть добивается целей, поставленных перед данным институтом власти.

Так, из анализа приведенной нами таблицы * видно, что количество возбужденных дел об административных правонарушениях участковыми уполномоченными полиции за период 2010-2013 гг. на территории Ленинского района ЕАО в процентном отношении возрастает.

---

* Статистические данные ИЦ УМВД ЕАО за 2010-2013 гг.

Выявленные правонарушения	2010		2011		2012		2013	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Службами ОВД Ленинского района ЕАО, всего	3984	100	3267	100	2883	100	1785	100
Службой участковых уполномоченных полиции	2640	66,27	2048	62,7	2074	71,93	1435	80,4

Более того, исходя из представленных данных, количество выявленных участковыми уполномоченными полиции административных правонарушений, в сравнении с общим количеством правонарушений, выявленных иными службами и подразделениями полиции на территории Ленинского района ЕАО, составляет более 60 %, что свидетельствует о ведущей роли службы участковых уполномоченных полиции в деле выявления административных правонарушений. Это результат напряженной работы и кропотливого труда участковых уполномоченных полиции, определяющий особое место и значение данной службы в системе МВД России.

В то же время, несмотря на законодательное урегулирование вопросов производства по делам об административных правонарушениях, при реализации своих функций участковый уполномоченный полиции сталкивается с некоторыми проблемами, требующими своего разрешения.

В первую очередь следует обратить внимание на существующие пробелы законодательного регулирования в регламентации принципа публичности.

Так, если при реализации принципа публичности речь идет об обязанности полиции обеспечивать реагирование на все виды выявленных административных правонарушений в формах, предусмотренных КоАП РФ, то участковый уполномоченный полиции ежедневно (если не ежечасно) может быть уличен в противоправном бездействии, например, если не составит протокол об административном правонарушении на пешехода, нарушившего правила перехода проезжей части (ст. 12.29 КоАП РФ). Иначе говоря, полиция сталкивается с заведомо невыполнимой задачей, а попытки ее решения за счет повышения интенсивности полицейской деятельности неизбежно приводят к снижению (зачастую недопустимому) ее качества. Как показывает практика, такой вариант еще более негативно влияет на состояние защищенности прав и свобод граждан, снижает авторитет полиции и уровень доверия к ней со стороны населения.

По мнению Н.Н. Цуканова [3], решение данного вопроса должно иметь следующую направленность. Так как меры административной ответственности представляют собой разновидность мер административного принуждения, которое, в свою очередь, является одним из методов государственного управления, то многосложный характер государственной управленческой деятельности естественным образом предполагает определенную свободу воли управляющего в выборе используемых методов. Метод же любой деятельности – способ целенаправленного воздействия управляющего субъекта на объект управления. Выбор наиболее предпочтительного в каждой конкретной ситуации метода – сфера усмотрения управляющего субъекта.

Следовательно, если применение мер административной ответственности представляет собой один из методов государственной управленческой деятельности, то полномочия участкового уполномоченного полиции возбуждать дела об административных правонарушениях должны им применяться не во всех случаях, когда имеет место административное правонарушение, а лишь тогда, когда это необходимо в целях эффективной реализации основных направлений деятельности полиции (ст. 2 Федерального закона «О полиции»). Иными словами, если возбуждение и расследование уголовного дела в основе своей – запрограммированная законодательством реакция государства на совершенное преступление, то производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое участковым уполномоченным полиции, – пре-

жде всего акт управленческого воздействия, совершенный им в целях решения стоящих перед ним задач по борьбе с преступностью и охране общественного порядка.

Способ устранения отмеченного пробела Н.Н. Цуканов видит в изменении редакции ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ («Цели административного наказания»), а именно: «1. Административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется *в необходимых случаях* в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами» [3].

На стадии рассмотрения дела участковый уполномоченный также сталкивается с трудностями. При передаче дел по подведомственности на рассмотрение участковому уполномоченному полиции материалы дела нередко содержат недостатки, которые не могут быть устранены в ходе рассмотрения дела. В таких случаях участковым уполномоченным полиции выносится определение об устранении данных недостатков. Несмотря на то, что КоАП РФ устанавливает трехдневный срок для устранения недостатков (ч. 3 ст. 28.8), требования участкового уполномоченного полиции могут устраняться и в течение более длительного времени, так как данный срок не является пресекательным.

Например, прокуратурой Ленинского района ЕАО передано на рассмотрение дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.2 КоАП РФ (умышленное повреждение или срыв печати (пломбы)). Однако в материалах дела не был указан адрес места жительства правонарушителя. Участковым уполномоченным было вынесено определение об устранении данного недостатка, так как отсутствие адреса проживания лица не позволяло известить его о времени и месте рассмотрения дела. Данный недостаток был устранен прокуратурой спустя двадцать дней, что оказало существенное влияние на возможность своевременного рассмотрения дела и применения мер ответственности к нарушителю.

Кроме вышеперечисленных, существует еще одна проблема при получении участковым уполномоченным полиции протокола и материалов по делу об административном правонарушении – соблюдение сроков рассмотрения материалов указанных дел. Нередки случаи, когда материалы дела переданы на рассмотрение в то время, когда срок давности привлечения к административной ответственности уже истекает, тем самым участковый уполномоченный полиции фактически лишен возможности надлежащим образом известить лиц, участвующих в деле, о времени и месте его рассмотрения, а также при наличии недостатков в материалах дела вынести определение об их устранении. Таким образом, складывается ситуация, ведущая к безнаказанности за совершенные административные правонарушения, виновные лица в отдельных случаях не несут ответственности за совершенное ими правонарушение.

Например, участковому уполномоченному полиции 22 февраля 2013 г. поступили материалы дела об административном правонарушении по ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство). Дата составления протокола – 10 января 2013 г., при этом из материалов дела следовало, что само правонарушение было совершено 29 декабря 2012 г. Таким образом, срок для извещения лиц, участвующих в деле, о времени и месте рассмотрения дела оставался меньше установленного, кроме того, истекали сроки давности привлечения лица к административной ответственности.

Разрешением подобной ситуации могло бы служить дополнение ст. 4.5 КоАП РФ пунктом следующего содержания: «в случаях, когда требуется передача протокола (постановления прокурора) об административном правонарушении для рассмотрения судьей, в орган, должностному лицу, уполномоченному рассматривать дело, срок давности привлечения к административной ответственности приостанавливается с момента возбуждения дела об административном правонарушении до получения протокола (постановления прокурора) об административном правонарушении судьей, органом, должностным лицом, к компетенции которых относится рассмотрение данного дела».

Кроме вышеперечисленных проблем, немаловажными и зачастую сложно разрешимыми остаются проблемы, возникающие на стадии исполнения постановления о назначении административного наказания.

Так, в соответствии с законом вынесенное постановление по делу об административном правонарушении объявляется немедленно по окончании рассмотрения дела. Копия постановления по делу об административном правонарушении вручается под расписку физическому лицу или законному представителю физического лица, в отношении которого оно вынесено, а также потерпевшему по его просьбе либо высылается указанным лицам в течение 3 дней со дня вынесения указанного постановления (ст. 29.11 КоАП РФ).

В связи с этим можно заметить некоторое юридическое противоречие норм КоАП РФ. Постановление об административном наказании в виде предупреждения может быть обжаловано в течение общего срока, т.е. в течение 10 суток со дня вручения или получения копии постановления (ч. 1 ст. 30.3 КоАП РФ). Однако в соответствии со ст. 32.1 КоАП РФ «постановление о назначении административного наказания в виде предупреждения исполняется компетентным органом, вынесшим постановление, путем вручения или направления копии постановления заинтересованным лицам». Если допустить, что жалоба на такое постановление была подана, а постановление уже фактически исполнено, то наблюдается некая юридическая нестыковка между нормами о назначении предупреждения и его реализацией на практике. Таким образом, имеют место несовпадения по существу различных юридических процедур.

Разрешением данного противоречия может явиться пересмотр отдельных положений КоАП РФ в части, касающейся такого вида административного наказания, как предупреждение.

Еще одна трудность состоит в исполнении постановления о назначении административного наказания в виде административного штрафа лицу, проживающему или находящемуся за пределами Российской Федерации и не имеющему на территории Российской Федерации имущества, так как исполнение производится в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации с государством, на территории которого проживает или находится это лицо, а также с государством, на территории которого находится имущество лица, привлеченного к административной ответственности (ст. 31.11 КоАП РФ).

В данном случае речь идет об иностранных физических лицах либо о гражданах Российской Федерации, проживающих за пределами Российской Федерации и не имеющих на территории Российской Федерации движимого, недвижимого имущества, если в отношении их вступило в законную силу постановление о назначении административного наказания.

Исполнение постановления в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства должно производиться на основании соответствующего международного договора (ст. 31.11 КоАП РФ). Однако в настоящее время Российская Федерация не является стороной ни одного международного договора, определяющего порядок принудительного исполнения решений по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, если при исполнении постановления о взыскании штрафа по делу об административном правонарушении будет установлено, что должник не имеет места жительства, имущества или денежных средств на территории Российской Федерации, а также то обстоятельство, что должник выдворен из Российской Федерации, судебный пристав-исполнитель должен составить акт о невозможности взыскания суммы административного штрафа и вместе с ним направить исполнительный документ участковому уполномоченному полиции, вынесшему постановление об административном правонарушении.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что участковый уполномоченный полиции в ряде случаев не имеет возможности оперативно, в установлен-

ные законодательством Российской Федерации сроки осуществлять свои должностные полномочия в полном объеме и во всех определенных законом случаях, что в целом снижает эффективность выполняемой участковой деятельности. Внесение вышеуказанных изменений и дополнений в КоАП РФ, иные нормативные правовые акты позволило бы минимизировать временные затраты участкового уполномоченного полиции, улучшить качество и объем выполняемой работы в рамках должностных обязанностей последнего.

Литература

1. Зайцев И.А. Производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое участковым уполномоченным полиции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
3. Цуканов Н.Н. О принципе публичности в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2008. № 4. С. 24.

УДК 343.97

УЛИЧНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Оксана Александровна Котельникова, старший преподаватель
Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института
МВД России кандидат юридических наук

Уличная преступность является самостоятельным видом преступности, который характеризуется рядом криминологических особенностей, включающих понятие, признаки, классификацию, а также специфику предмета и объекта посягательства, места и времени совершения преступлений. Установлены отличительные черты, которые определяют своеобразие криминогенной среды уличного пространства и требуют специального методологического подхода при исследовании криминологической обстановки на территории городов.

Ключевые слова: уличная преступность; улица; общественное место; уличная среда.

STREET CRIME: CONCEPT, CHARACTERISTICS AND CLASSIFICATION

Oksana Aleksandrovna Kotelnikova, senior lecturer of Vladivostok Branch
Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Kandidat nauk degree in Law

Street crime is a separate type of crime, which is characterized by several of criminological features including the concept, features, classification, as well as the specifics of the subject and object of abuse, time and place of committing crimes. The distinctive features which define the peculiarity of criminogenic environment of street space and require special methodological approach in the study of criminological situation in urban areas.

Keywords: street crime; street; public place; street space.

Большинство ведущих криминологов считают, что центральное место в криминологии занимает понятие определенного вида преступности. При этом преступность ими характеризуется как совокупность конкретных преступлений, совершенных за определенный период времени в данном обществе [8]. Такое фундаментальное определение преступности позволяет четко обозначить предмет исследования, количественно и качественно оценить изучаемое явление, а также установить его конкретные причины.

Преступные деяния, совершаемые на территории уличного пространства, имеют свою особую отличительную специфику, они включают определенную структуру, количественные и качественные характеристики, образуют совокупность преступлений, так как объединены временным и территориальным признаками. Данные особенности свидетельствуют о самостоятельности и массовости уличной преступности, наличии у нее специфических закономерностей существования и развития. Следовательно, уличные преступления обладают определенным сходством и как объект познания криминологии образуют в совокупности однородные по пространственному признаку уголовно наказуемые деяния, совершаемые на данной территории за определенный про-

межутков времени. В то же время следует отметить, что данное понятие не в полной мере раскрывает особенности и признаки данного вида преступности.

Чтобы определить понятие уличной преступности, во-первых, необходимо говорить о территориальном признаке данных преступлений, другими словами, они ограничиваются специфической зоной (территорией) города – улицей. Во-вторых, с учетом того, что преступления, совершаемые на улице, наносят вред различным общественным отношениям, то важным фактором для определения уличной среды прежде всего является конкретизация философско-социального понятия улицы. В данном контексте улица рассматривается как определенное пространство, в сфере которого возникают различные взаимоотношения людей за пределами жилых и нежилых помещений, лишённые культурного воздействия общества, семьи [11]. В-третьих, необходимо обозначить реальное пространство улицы, что позволит отграничить уличные преступления от преступлений, совершаемых в общественном месте.

В настоящее время в современных исследованиях таких авторов, как Ю.В. Кивич, С.Н. Золотухин, А.Н. Гришин, И.Д. Лукиных, В.В. Тарубаров, Е.С. Заремба, дано определение уличной преступности. Однако анализ определений данного понятия показал, что, например, Ю.В. Кивич и С.Н. Золотухин, используя во многом аналогичные категории определения границы улиц, включают в понятие улицы ряд общественных мест [6; 10]. Не возражая, в принципе, против такого методологического подхода, мы считаем, что только некоторые из перечисленных авторами общественных мест (площади, проспекты, набережные) попадают под критерии улиц, так как в основном наделены транзитной функцией. Что же касается других общественных мест – стадионов, рынков, спортивных комплексов и тому подобного, то, несмотря на наличие открытого пространства и свободного доступа, они не относятся к улице, так как имеют преимущественно культурно-досуговое или хозяйственное назначение, которое реализуется в период их работы.

Представляется неполным подход к формулировке понятия улицы А.Н. Гришина, так как автор делает акцент преимущественно на социальном аспекте данной территории, указывая, что улица – это свободная для доступа, включенная в инфраструктуру населенного пункта территория, характеризующаяся временной и пространственной неравномерностью социального контроля и преобладающей анонимностью поведения [4].

И.Д. Лукиных и В.В. Тарубаров, исследуя уличную преступность, вообще не конкретизируют понятие «улица» [10; 19].

Вместе с тем следует отметить, что и во многих нормативных правовых актах правоохранительных органов понятие «улица» не закреплено, а приводится лишь «общественное место» [15; 16; 17], что, по нашему мнению, затрудняет формулировку понятия «уличная преступность». Следовательно, правовое закрепление понятия «улица» имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

На наш взгляд, в первую очередь, в целях конкретизации определения «уличное пространство», целесообразно выделить основные, так называемые территориальные признаки, отграничивающие уличное пространство и иное общественное место. Прежде всего это дифференциация территории улицы на свободную и ограниченную (огороженную) в доступе, в частности:

- все доступные объекты требуют особого контроля в первую очередь со стороны государственных и муниципальных органов, тогда как многие огороженные территории имеют статус собственности, что подразумевает наличие частного контроля;
- большинство улиц, особенно спальных районов, обладают недостаточным инженерно-техническим оснащением, что повышает вероятность совершения преступных посягательств, при этом преступник уверен в своей «безликости», следовательно, безнаказанности. В свою очередь, территории с ограниченным доступом, как правило, обеспечены инженерно-техническими средствами (освещение, видеонаблюдение, охранные сигнализации и т.п.);

- уличное открытое пространство формировалось вследствие стихийной городской застройки, в результате чего образовавшиеся проулки, глухие тупики, арки, стихийные гаражные застройки и так далее представляют собой криминогенно опасные территории, не отвечающие требованиям криминологической безопасности;

- открытые объекты имеют свободный доступ в течение суток и круглогодично, тогда как огороженные, в большинстве своем, – только в определенные часы и сезоны;

- уличное открытое пространство занимает большую территорию населенного пункта, в то время как огороженные территории локальны;

- и, наконец, на открытом пространстве улиц повышается вероятность совершения преступлений, тогда как в местах с ограниченным доступом она снижается.

Таким образом, предложенные признаки четко отграничивают улицу как специфическую территорию от определенной категории общественных мест. То есть улицей можно считать часть общественных территорий вне пределов жилых помещений, нежилых (культурные, общепит, досуговые, деловые и т.п.) зданий и огороженных территорий (стадионы, детские развлекательные центры, детские сады, огороженные пляжи и т.п.).

Следующий важный элемент, расширяющий и дополняющий понятие уличного пространства, – это то, что улица является особой средой общественных отношений, так называемое социальное назначение уличного пространства.

Безусловно, возникновение негативных явлений, вызывающих в результате преступное поведение, во многом зависит от среды общения людей. В качестве прикладной классификации сфер жизнедеятельности выделяются сфера производства и обслуживания; сфера быта; сфера общения людей вне их места жительства и труда [9].

Мы дополнительно ввели в классификацию уличную сферу, так как она отличается от других общественных отношений. Улица, как специфическая среда, не ограничивает взаимоотношения индивидов, в отличие от бытовой или производственной, которые ограничиваются общением определенной категории людей – членами семьи, коллегами по работе. Кроме того, несмотря на то, что улица является частью общественного места, она имеет иное назначение. В частности, в большей степени она служит транзитом для граждан, тогда как иные общественные места (спортивные комплексы, развлекательные центры, парки-аттракционы, стадионы и т.п.) созданы с культурно-досуговой целью развития полезного общения, удовлетворения интересов и потребностей, проведения культурного отдыха и досуга.

Таким образом, улица способствует установлению постоянных разноуровневых межличностных анонимных общественных отношений. Кроме того, уличная среда более открыта для осуществления социального контроля, чем, например, бытовая среда, имеющая более частный характер. С криминологической точки зрения, складывающиеся в уличной среде общественные отношения имеют как положительный, так и отрицательный характер. Так, в результате общения между различными индивидами повышается вероятность возникновения конфликтов, разногласий и иных негативных ситуаций, нередко заканчивающихся преступным исходом. Данный факт указывает на повышенную общественную опасность данной сферы, а именно:

1. Уличная среда является вседоступной, в нее включены все граждане, она является как транзитом законопослушных граждан, так и доступным местом для совершения преступлений. Доступность материальных ценностей и объектов посягательств значительно повышает вероятность столкновений с преступным исходом.

2. Анонимность улиц, безнравственность и индифферентность находящихся на улице людей, а следовательно, слабость социального контроля выступают благоприятным условием для совершения противоправных деяний.

3. Среда уличного пространства обезличивает включенных в нее людей, способствует многовариантности выбора жертвы, что нередко и мотивирует преступное дея-

ние. Как правило, уличные преступления совершаются в отношении незнакомых или малознакомых людей.

4. Улица выступает в роли мощного источника распространения криминальной субкультуры, так как для многих индивидов, ведущих асоциальный и преступный образ жизни, она является средой общения и местом проведения досуга.

5. В уличной среде повышается вероятность реализации процесса виктимизации населения. В данной сфере складываются предпреступные взаимоотношения между жертвой и преступником.

Мы предлагаем включить выявленные нами вышеуказанные характеристики и особенности в качестве основных и дополнительных признаков территории уличного пространства.

Таким образом, известные понятия могут быть объединены авторским определением территории улицы с учетом целесообразности проведения профилактических мероприятий. Улица (уличное пространство) – это открытая и свободная (в любое время) для доступа населения территория, расположенная между объектами застройки, обеспечивающая транзит людей и являющаяся сферой разноуровневых межличностных отношений.

Данное определение позволяет более детально сформулировать понятие уличной преступности. Кроме того, из включенных признаков следует, что противоправные деяния, совершенные на обозначенных территориях, обладающих схожими параметрами, необходимо относить именно к уличным преступлениям.

Итак, с учетом понятие улицы сформулируем определение уличной преступности. Уличная преступность – это самостоятельный вид преступности, включающей в себя совокупность разнородных уголовно наказуемых общественно опасных деяний, совершаемых на открытой и свободной (в любое время) для доступа населения территории уличного пространства, расположенной между объектами застройки и обеспечивающей транзит людей.

В основе углубленного изучения любого вида преступности кроме определения понятия и признаков лежит его криминологическая типизация и классификация. Целью типизации является дифференциация по аналогичным группам преступлений, в которых проявляются специфические особенности их структуры, механизма преступного поведения, личности преступника, географические условия, поиск наиболее эффективных мер предупреждения. Классификация, имеющая подчиненное значение по отношению к типологии, отличается большей содержательностью и практической направленностью. В свою очередь, типизация, основанная на классификации, позволяет дать всестороннюю криминологическую характеристику преступлениям и дифференцировать их по определенным видам.

На основании существующих типов и классификаций в большинстве фундаментальных работ по криминологии выделяется систематизация преступлений по наиболее значимым криминологическим разделам, а соответственно и видам преступности: насильственные преступления; общеуголовные преступления (корыстные и корыстно-насильственные); экономические преступления; преступления, совершенные несовершеннолетними, женщинами, рецидивистами и т.д. [1, с. 241; 2, с. 268; 3].

Однако при изучении криминологической литературы нами было выявлено, что в большинстве источников уличную преступность как отдельный вид преступности не выделяют. Так, в учебниках по криминологии таких авторов, как Г.А. Аванесов, А.И. Долгова, А.И. Алексеев, В.Н. Бурлаков и многих других, не включена криминологическая характеристика преступлений, совершаемых на улицах. Тогда как уличная преступность отличается своей многогранностью и неоднородностью, имеет свою типологию и классификацию, специфические особенности, отличающие ее от других видов преступности. В частности, она выделяется своей сложной собирательной структурной системой, которая представлена различными видами преступлений – насильст-

венные, корыстные, корыстно-насильственные, против общественной безопасности и так далее, которые, в свою очередь, ранжируются на конкретные преступные посягательства. Уличная преступность характеризуется своеобразными закономерностями, выраженными негативными последствиями для общества, количественными и качественными характеристиками, особенностью криминогенных факторов, спецификой личности преступника, территориальностью, а также требует особых всесторонних государственных и общественных мер антикриминогенного контроля.

Кроме этого, важным критерием при выделении уличной преступности является практическая значимость ее криминологической дифференциации. Во-первых, в статистической отчетности МВД РФ существуют формы, в которых содержатся сведения о преступлениях, совершенных на улицах. Во-вторых, в структуру органов внутренних дел включено отдельное структурное подразделение, которое нацелено на борьбу с уличным криминалом. Следовательно, наличествует ряд предпосылок для закрепления уличной преступности как отдельного ее вида.

Более емкой характеристике качественного своеобразия и особенностей уличной преступности способствуют ее криминологическая типизация и классификация. При этом наличие какого-либо существенного общего основания позволяет выделять типы, а затем в них сгруппировать классы противоправных деяний на улице.

В некоторых исследованиях авторы представляют свою типизацию и классификацию уличной преступности. Однако заметим, что в существующих градациях отсутствует системность и комплексность. Так, Ю.В. Кивич представляет свою типологию и классификацию [7], но, по нашему мнению, автор не отделяет эти два понятия. В частности, отсутствуют конкретика и точное разделение классифицирующих и типологизирующих признаков данного вида преступности. Кроме того, в большей степени автором предложена типология улиц и уличного пространства, тогда как уличные преступления он систематизирует по основаниям в рамках двух крупных блоков, которые называет порядковыми номерами, не применяя криминологических терминов.

А.Н. Гришин, предлагая свою классификацию уличных преступлений, лишь группирует их по объектам посягательств и выделяет отличительные особенности уличной преступности от других видов преступлений [4].

Г.М. Погорелова, И.В. Рьжков классифицируют уличную преступность [13; 18] только в пределах одного из рассматриваемых ими видов уличной преступности.

Таким образом, представляется, что анализируемые выше типологии и классификации уличной преступности недостаточно точно отражают ее специфику. Тогда как уличная преступность может и должна быть выделена как отдельный вид преступности, потому что подвергается криминологическому анализу, включающему в себя количественные и качественные показатели, детерминацию, характеристику личности преступника и систему профилактических мероприятий. Для расширения и дополнения известных классификаций данного вида преступлений предлагаем авторский вариант ранжирования уличных преступлений.

В результате нашего исследования было выявлено, что уличная преступность имеет достаточно сложную структуру и дифференцируется на основные четыре вида:

I. Насильственная преступность.

II. Имущественная преступность.

III. Наркопреступность.

IV. Преступления, направленные против общественной безопасности и общественного порядка.

Выявленные виды, в свою очередь, классифицируются по структуре:

I. Насильственная преступность (5 % от всех уличных преступлений): 1) убийство; 2) угроза убийством; 3) причинение смерти по неосторожности; 4) причинение вреда здоровью; 5) изнасилование; 6) побои.

II. Имущественная преступность (80 %): 1) корыстные: а) кражи; б) мошенничество; в) неквалифицированный грабеж; 2) корыстно-насильственные: а) квалифицированный грабеж; б) разбой; в) вымогательство; 3) иные имущественные преступления: а) умышленное уничтожение или повреждение имущества; б) неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения.

III. Наркопреступность (7 %): 1) незаконное приобретение, хранение, перевозка наркотических средств; 2) незаконный сбыт наркотических средств.

IV. Преступления, направленные против общественной безопасности и общественного порядка (8 %): 1) бандитизм; 2) хулиганство; 3) вандализм; 4) незаконное ношение оружия.

Особо следует обратить внимание на то, что уличная преступность, как иные виды преступности, имеет свои временные рамки и «сезонность». Нами в ходе исследования было выявлено, что уличная преступность подвергается значительным сезонным колебаниям и ее можно ранжировать на уличную преступность в летний, зимний и переходный сезоны:

1. Летний сезон характеризуется чаще всего совершением уличных «пьяных» преступлений – хулиганство, причинение вреда здоровью, изнасилование.

2. Зимний сезон отличается преимущественным увеличением корыстно-насильственных противоправных деяний.

3. Переходный сезон включает в себя преступления с признаками обоих сезонов.

Логическим продолжением данной общей типологии является разделение уличной преступности по времени в пределах одних суток (хронометрическая типология):

1. Утренний тип – с 6 до 12 часов (7 %):

– наиболее малочисленный, как правило, представленный корыстно-насильственными действиями.

2. Дневной тип – с 12 до 18 часов (12 %):

– объединяет преимущественно преступления корыстной направленности, в основном кражи, чаще из автотранспорта.

3. Вечерний тип – с 18 до 21 часа (35 %) и с 21 до 24 часов (43 %):

– наиболее распространенный тип, характеризующийся превалированием корыстно-насильственных и насильственных преступлений.

4. Ночной тип – с 24 часов до 6 утра (8 %):

– достаточно малочисленный и включающий в основном «пьяную» уличную преступность и хулиганские действия.

Кроме того, в нашем исследовании были установлены территориальные особенности города, определяющие характер совершения уличных преступлений. В частности, в городах архитектурная застройка исторически осуществлялась с определенной начальной точки. Поэтому большинство как деловых учреждений, так и культурных, досуговых, увеселительных, питейных и иных заведений локально сосредоточены в старейших городских зонах, т.е. в центральной части города или района города. Следовательно, в выходные и праздничные дни в этой части городской инфраструктуры концентрируется большое количество жителей, которые прибывают из многих спальных районов для проведения досуга.

Следующая особенность города заключается в том, что большинство жилых массивов (спальные районы – 68 %) и промышленных объектов (80 %) расположены вне центральной обжитой части города. На их территории прослеживается особая архитектурная застройка. В основном в спальных районах сконцентрированы такие объекты, как детские сады, школы, рынки, гаражные кооперативы, организованные и стихийные стоянки частных автомобилей. В результате специфичной застройки образовались переулки, тупики, арки. Кроме того, заселение многих жилых районов, расположенных вдоль промышленных зон, осуществлялось с учетом назначения районов, поэтому там постепенно складывался свой особый микроклимат [11].

Выявленная отличительная специфика застройки и заселения города отражает соответствующий спектр совершаемых на его территориях уличных преступлений. Так, в частности, нами установлено, что на улицах делового и культурного района городов в 2,3 раза чаще совершаются «пьяные» уличные преступления, а также хулиганства (68 %), грабежи и разбои (22 %), убийства и причинение тяжкого вреда здоровью (10 %). При этом в спальных районах совершаются в основном кражи, угоны автотранспорта (67 %), изнасилование (22 %), незаконный оборот наркотических средств (11 %).

Таким образом, на основании вышеизложенных особенностей архитектурной застройки города предлагаем следующую классификацию его улиц, на которых совершаются противоправные деяния, так называемую географию распространения уличной преступности:

1. Улицы центральной части города, прилегающие: а) к культурно-досуговым объектам, морским (речным) набережным, стадионам; б) морскому (речному), железнодорожному и автовокзалам; в) портовым причалам; г) жилым зданиям.

2. Улицы жилого массива, прилегающие: а) к инфраструктуре жилых зданий; б) автостоянкам, гаражам; в) детским садам и школам; г) промышленным зонам.

3. Площади, скверы, пляжи и другие схожие объекты, относящиеся: а) к общегородской центральной части города; б) жилым массивам, спальным районам, промышленным зонам.

В соответствии с уголовно-правовыми аспектами любое преступление посягает на определенные объекты и предметы [14]. Уличная преступность является собирательным видом, в связи с этим уличные преступления посягают на различные общественные отношения. При этом они классифицируются в зависимости от совершенного преступления.

На основании анализа материалов судебной практики мы предлагаем следующую классификацию:

1. По объекту:

а) жизнь, здоровье, половая свобода и половая неприкосновенность человека (5 %);
б) различные формы собственности (80 %);
в) общественный порядок, общественная безопасность, общественная нравственность (15 %).

2. По предмету посягательства:

а) денежные знаки (10 %);
б) личные вещи, ювелирные украшения, сотовые телефоны (87 %);
в) автотранспорт (2 %);
г) документы (1 %).

Предлагаемые понятие и признаки, а также криминологическая классификация уличной преступности не претендуют на безусловность. Однако данные теоретические выводы позволяют, на наш взгляд, определить специфическое место уличной преступности в общей структуре всей преступности, а также обосновать необходимость ее включения в теорию криминологии как отдельный вид. Кроме того, в ходе проведенного исследования подтверждено, что особенности (признаки и классификация) уличных преступлений существуют и их необходимо учитывать при разработке мер профилактического воздействия на уличную преступность.

Таким образом, уличную преступность следует рассматривать как самостоятельный вид преступности, имеющий определение, признаки и классификацию, характеризующийся рядом криминологических особенностей, включая специфику мотивационного поведения, предмета и объекта посягательства, а также места и времени совершения преступлений. Установленные отличительные черты определяют своеобразие криминогенной среды уличного пространства и требуют специального методологического подхода при исследовании, прогнозировании и профилактике криминологической обстановки на территории городов.

Литература

1. Аванесов Г.А. Криминология. М.: ЮНИТИ, 2007.
2. Алексеев А.И. Криминология. М.: Щит-М, 2005.
3. Бурлаков В.Н. Криминология / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб., 2006. 400 с.
4. Гришин А.Н. Уличная преступность и ее профилактика службой милиции общественной безопасности в условиях крупного города: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 199 с.
5. Долгова А.И. Криминология. М.: Норма, 2010. 486 с.
6. Золотухин Н.С. Уличная насильственная преступность и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. 190 с.
7. Кивич Ю.В. Криминологическая характеристика и предупреждение уличной преступности в условиях города: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 189 с.
8. Криминология / под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1988. 341 с.
9. Лозбяков В.П. Криминология и административная юрисдикция милиции. М.: ИНФРА, 2006. 241 с.
10. Лукиных И.Д. Понятие и характеристика уличной преступности // Российский следователь. 2009. № 14. С. 20–22.
11. Овчинский С.С. Преступное насилие. Преступность в городах. М.: Инфра-М, 2007. 247 с.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003. 1400 с.
13. Погорелова Г.М. Криминологическая характеристика и профилактика уличной преступности несовершеннолетних (по материалам г. Калуги): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 21 с.
14. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. М.: Юридический центр Пресс, 2008. 1131 с.
15. Приказ Генеральной прокуратуры РФ и Министерства внутренних дел РФ от 24 февраля 2010 г. № 66/85/1 «О внесении изменений в статистические карточки и в Инструкцию о порядке заполнения и представления учетных документов».
16. Приказ МВД России от 29 декабря 2005 г. № 1070 «О едином учете преступлений».
17. Приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 81 «Об организации комплексного использования сил и средств органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению правопорядка в общественных местах».
18. Рыжков И. В. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в условиях городских улиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 22 с.
19. Тарубаров В.В. Преступления, совершаемые в общественных местах, как часть общей преступности // Закон и право. 2008. № 11. С. 76–79.

УДК 343.54

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Мария Сергеевна Семикина, преподаватель;
Александр Юрьевич Манцуоров, старший преподаватель
кандидат юридических наук
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

В настоящей статье рассмотрены нормативные положения уголовного законодательства в сфере защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних в Российской Федерации и Китайской Народной Республике.

Ключевые слова: половая неприкосновенность; несовершеннолетний; изнасилование; действия сексуального характера.

LEGAL PROTECTION OF SEXUAL PRIVACY IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Maria Sergeevna Semikina, lecturer;

Alexander Yurievich Mantsurov, senior lecturer *Kandidat nauk* degree in Law
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation)

This article reviews the regulations of criminal law in the protection of minors in sexual integrity of the Russian Federation and the People's Republic of China.

Keywords: sexual integrity; a minor; rape; sexual assault.

Сексуальные посягательства, совершаемые в отношении несовершеннолетних, выступают в качестве объективной угрозы национальной безопасности многих государств, в то время как содержание правового запрета подобного рода деяний далеко от совершенства. Несмотря на то, что мировое сообщество предпринимает определенные меры по улучшению положения детей в семье, обществе и государстве, независимо от географического положения, экономического развития и политического курса, искоренить негативные тенденции не удается.

В контексте исследуемой проблемы интересен уголовно-правовой опыт других государств, в частности уголовное законодательство КНР, формировавшееся под влиянием советского уголовного права, с учетом специфических политических, экономических и национальных особенностей Китая [8].

В Уголовном кодексе Российской Федерации преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних предусмотрены гл. 18. Однако законодательство и судебная практика не дают определения понятия половой неприкосновенности.

В литературе встречаются различные мнения относительно содержания и сущности данного понятия.

Так, достаточно емким, позволяющим сформировать представление об исследуемой категории кажется нам определение, сформулированное А.С. Капитуновым. Половая неприкосновенность, по его мнению, означает недопустимость сексуального общения в какой бы то ни было форме с отдельными категориями лиц: либо с теми, которые в силу определенных обстоятельств не способны осознавать содержание и значение совершаемых с ними действий, либо с теми, для которых вступление в названное общение создает угрозу для их нормального психо-физиологического, в том числе полового и морально-нравственного развития [9].

Г.Н. Краснюк заявляет о необходимости выделения категории «сексуальная безопасность», которая должна включать половую неприкосновенность [11].

Е.В. Поддубная половую неприкосновенность ассоциирует с правом каждого не подвергаться сексуальному насилию, правом на защищенность от сексуальных посягательств [12].

Как представляется, под половой неприкосновенностью несовершеннолетнего следует понимать недопустимость сексуальных контактов с лицом, не достигшим определенного законом возраста, по причине того, что половое сношение либо совершение иных действий сексуального характера повлекут нарушения физической и психической полноценности лица, его морального и нравственного благополучия. В российском законодательстве оформлена минимальная возрастная граница, так называемый «возраст сексуального согласия», равный 16 годам. Достижение указанного возраста дает право выбора сексуального партнера, что именуется половой свободой личности. Вместе с тем некоторые авторы предлагают поднять эту планку до совершеннолетия, т.е. до 18 лет, поскольку, как отмечает М. Конева, к этому возрасту люди

достигают если не социально-психологической, то, по крайней мере, половой зрелости [10, с. 59].

С позиции экспертов, установление 16-летнего возраста обусловлено физиологией человека. Однако нравственно-моральные качества личности, способствующие полноценному половому воспитанию, в этом возрасте еще только формируются. В связи с этим вступление в сексуальные отношения по достижении «возраста сексуального согласия» не всегда имеет положительные последствия.

Уголовный закон КНР не располагает самостоятельной главой о преступлениях против половой неприкосновенности, а объединяет в гл. 4 все составы преступлений против права на жизнь и демократических прав граждан. Соответственно запрет полового сношения с лицом, не достигшим совершеннолетия, отнесен к жизненно важным благам и интересам. В законе отсутствует понятие половой неприкосновенности, однако оговорено положение о запрете сексуального контакта с лицом женского пола, не достигшим 14 лет. Это обусловлено тем, что несовершеннолетняя лишена права давать согласие на вступление в половую связь, вне зависимости от того, применялось ли к ней насилие, или посягатель рассчитывал на добровольное вступление в половой контакт. Речь идет о «сексуальной автономии» несовершеннолетней либо запрете на вступление в половую связь по своему усмотрению до достижения определенного возраста [1; 11;13].

В Российской Федерации уголовная ответственность за посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних регламентируется нормами уголовного закона: изнасилование (п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4 и ч. 5 ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4 и ч. 5 ст. 132 УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера (ч. 2 ст. 133 УК РФ), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ), и развратные действия (ст. 135 УК РФ). Совершение преступлений сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних представляет собой одну из наиболее опасных и тяжких по своим последствиям форм преступного поведения.

Уголовный кодекс КНР в этом плане достаточно ограничен и представлен двумя составами преступлений: ст. 236 (Изнасилование), ст. 237 (Принуждение женщины к совершению унижающих ее достоинство действий и совершение надругательства над ней). Под изнасилованием понимается как само деяние по отношению к девушке, не достигшей 14 лет, так и развратные действия. Действия, представляющие собой надругательство над ребенком, не имеют правового содержания, закон лишь указывает на суровое наказание [4].

Однако, несмотря на столь несовершенную юридическую технику, представленные нормы о запрете вступления в половую связь с несовершеннолетней содержат в себе несколько обязательных аспектов. Во-первых, сексуальный контакт с несовершеннолетней запрещен вне зависимости от способа его совершения, а именно насильственного либо ненасильственного. Во-вторых, несовершеннолетние девочки не вправе давать свое согласие на вступление в сексуальные отношения либо иные действия сексуального характера. В-третьих, в связи с тем, что несовершеннолетняя нуждается в особой защите со стороны государства, вовлечение ее в любые сексуальные контакты запрещено вне зависимости от обстоятельств и должно быть сурово наказано [2].

Вместе с тем необходимо указать, что Верховный суд КНР в документе под названием «Комментарии к наказаниям за сексуальные посягательства, совершаемые в отношении несовершеннолетних» определяет пониженный возраст потерпевшей – 12 лет, что указывает на большую общественную опасность деяния [6].

Согласно уголовному законодательству Российской Федерации, к потерпевшим от сексуальных посягательств относятся лица, достигшие к моменту совершения преступления 14, 16 лет и не достигшие совершеннолетия. Дети, которым не исполнилось

14 лет, считаются малолетними. Запрет на половые связи распространяется на всех без исключения малолетних, но не охватывает всех несовершеннолетних. Как было отмечено, в настоящее время минимальный возраст, с которого несовершеннолетний получает свободу на вступление в половые отношения, составляет 16 лет, если один из участников сексуальных отношений – совершеннолетний [7]. К категории, обладающей половой неприкосновенностью, отнесены лица, не способные в силу психического или физического заболевания выразить свою волю.

Таким образом, уголовный закон Российской Федерации более детально рассматривает признаки потерпевшего, в то время как уголовное законодательство КНР содержит многочисленные спорные положения, в том числе относительно возраста жертвы, а также не касается лиц, находящихся в беспомощном состоянии.

Немаловажной особенностью уголовного закона КНР относительно половой неприкосновенности является половой признак потерпевшего, а именно женский пол. В Китае декриминализованы гомосексуальные отношения, более того, насильственные действия гомосексуального характера не влекут уголовно-правовых последствий. Такое положение вызывает массу споров в научных и общественных кругах Китая. Предлагается принять нормы, запрещающие садомию и насильственные действия сексуального характера под угрозой сурового наказания [5].

Напомним, что потерпевшими от преступлений сексуального характера по российскому законодательству могут быть лица как женского, так и мужского пола.

Также представляется небезынтересным обсуждение отсутствия признака заведомости в нормах российского и китайского уголовного законодательства. В настоящее время, в связи с отсутствием признака заведомости в указанных нормах УК РФ, совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетнего или малолетнего должно квалифицироваться по п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ или п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ только в случаях, когда виновный знал или допускал, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетним или малолетним, а также когда он мог и должен был это предвидеть [13].

У правоведов КНР категория «заведомости» также вызывает ряд споров. Существует неоднозначное мнение профессора Су Ли относительно условия заведомости знания о возрасте потерпевшей лицом, вступающим с ней в половую связь. Так, вступая в половой контакт с несовершеннолетней добровольно, однако, не осознавая, что к этому моменту она не достигла возраста 14 лет, лицо может быть привлечено к ответственности за покушение на изнасилование, либо вообще в его деянии будет отсутствовать состав преступления, если не наступили тяжкие последствия. При наличии столь противоречивого положения ученые в области уголовного права выразили озабоченность и необходимость совершенствования правовых позиций. По мнению профессора Цю Синлун, уголовно наказуемо деяние и в том случае, если лицо вступило в сексуальный контакт с несовершеннолетней, не зная об этом, по обоюдному согласию, и это не повлекло общественно опасных последствий. Однако судебное толкование Верховного суда КНР фактически закрепило возможность лиц женского пола, не достигших 14 лет, добровольно вступать в половой контакт, что, по его мнению, недопустимо [2].

При совершении лицом преступного посягательства в отношении лица, не достигшего 12 лет, ссылка на отсутствие знаний о возрасте лица неприемлема. Это обусловлено тем обстоятельством, что объективная оценка возраста 12 лет не вызывает проблем в силу очевидности психофизических особенностей несовершеннолетней, манеры поведения, внешних признаков. Соответственно совершение изнасилования либо реализация других форм сексуального надругательства оценивается с позиции уголовного права и заведомости знания о возрасте потерпевшей [6].

Тем не менее, в судебной практике Китая встречаются оправдательные приговоры в отношении лиц, совершивших преступления сексуального характера. Решение может быть вынесено в пользу обвиняемого в силу факта «добровольного» согласия несовер-

шеннолетней на сексуальный контакт либо отсутствия запрета со стороны родителей, иных частных случаев. Проблема состоит в том, что судебное усмотрение может осуществляться вразрез с нормами закона. Ответственности в данном случае могут подлежать лишь родители, ненадлежащим образом исполнявшие обязанности по воспитанию ребенка. Родители не вправе запрещать своей дочери вступать в сексуальные отношения, если ей исполнилось 14 лет, так как эти действия могут быть рассмотрены как вмешательство в частную жизнь лица, что также не допускается [3].

Вышеприведенный анализ свидетельствует, что общественная опасность преступных посягательств сексуальной направленности, совершаемых в отношении несовершеннолетнего, определяется принципиальной особенностью объекта уголовно-правовой охраны. Нормы, регламентирующие ответственность за преступления против половой неприкосновенности, закрепленные в УК КНР и УК РФ, разнятся. В целях повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми гражданами КНР на территории России, правовое поле дружественных государств должно взаимно обогащаться законодательным опытом.

Литература

1. 苏力：“司法解释、公共政策和最高法院从最高法院有关奸淫幼女”的司法解释切入”，载《法学》2003年第8期，第12、14、15页. Су Ли. Сексуальное посягательство на женщин - судебное толкование и государственная политика Верховного суда КНР // Правоведение. 2003. № 8. С. 12, 14 / пер. А.Ю. Манцулова.
2. 邱兴隆：“一个半公正的司法解释兼与苏力教授对话”，载《法学研究》2004年第6期，第76页. Чу Синлун. Одна сторона беспристрастного судебного толкования - диалог с профессором Су Ли // Закон. 2004. № 6. С. 76 / пер. А.Ю. Манцулова.
3. 中华人民共和国未成年人保护法(1991年9月4日第七届全国人民代表大会常务委员会第二十一次会议通过2006年12月29日第十届全国人民代表大会常务委员会第二十五次会议修订). Закон КНР «О защите несовершеннолетних» (принят на 21-й сессии Постоянного комитета ВСНП КНР седьмого созыва 4 сентября 1991 г., с изм. и доп. на 29 декабря 2006 г., принятыми на 25-й сессии десятого созыва Постоянного комитета ВСНП КНР). URL: <http://www.mps.gov.cn> / пер. А.Ю. Манцулова.
4. 中华人民共和国刑法从1997年03月14日. 北京: 2013. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. А.И. Коробеева; пер. с кит. Д.В. Вичикова. Владивосток, 2013.
5. См.: 郭晓飞. 中国法视野下的同性恋. 2007. 268页. Го Сяофэй. О перспективе принятия Закона КНР «О гомосексуализме». 2007. 268 с. / пер. А.Ю. Манцулова.
6. 最高法院细解“奸淫幼女”犯罪相关认定 URL: <http://www.chinanews.com> 来源: 中国新闻网. 2014年01月02日. Разъяснение Верховного суда КНР понятия «половая неприкосновенность». Синьхуа КНР (дата обращения 02.01.2014) / пер. А.Ю. Манцулова.
7. Додонов В.Н. Незаконные половое сношение и иные действия сексуального характера с несовершеннолетними // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 6.
8. Домахин С.А. Вопросы развития уголовного законодательства Китайской Народной Республики // Правоведение. 1959. № 3.
9. Капитунов А.С. Насильственные половые преступления против несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.
10. Конева М. Усилить уголовную ответственность за ненасильственные действия гомосексуального характера // Российская юстиция. 2003. №3.
11. Краснюк Г.Н. Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.
12. Поддубная Е.В. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и квалификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
13. Степанова М.А., Царев Е.В. Ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних по российскому уголовному законодательству // Наука. Теория. Практика. Проблемы правоохранительной деятельности. 2012. № 2.

ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

УДК 347.615.1

ОБ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ БЫВШИХ СУПРУГОВ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Людмила Николаевна Древаль, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор

В статье предпринята попытка проанализировать институт «алиментные обязательства бывших супругов» в Российской Федерации и его правоприменение.

Ключевые слова: семейное законодательство; супруги; имущество; ответственность; брак; суд; права; алименты; нетрудоспособность.

ABOUT ALIMENTARY OBLIGATIONS OF THE FORMER SPOUSES: RIGHT APPLICATION QUESTIONS

Lyudmila Nikolayevna Dreval, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Doctor of Law, professor

In article an attempt to analyse institute «alimentary obligations of the former spouses» in the Russian Federation and to compare it to right application is made.

Keywords: family legislation; spouses; property; responsibility; marriage; court; law; alimony; disability.

В декабре прошлого года российская общественность пыталась осмыслить механизм реализации положений Конституции Российской Федерации, подвести некоторые итоги в связи с ее действием в течение 20 лет. Обсуждались многие вопросы. Это касалось развития государственности, демократии, взаимодействия всех ветвей власти, совершенствования судебной системы, эффективности социальных программ и другого.

Провозглашая Российскую Федерацию как социальное государство, Основной закон подтвердил положения о предоставлении в равной мере всем российским гражданам гарантий в социальной сфере, которые нашли отражение в нормах права различных отраслей, в том числе и семейного законодательства, одним из принципов которого является установление гарантий по осуществлению помощи нуждающимся.

По Семейному кодексу Российской Федерации, предоставление материальной поддержки одним членом семьи другому при определенных обстоятельствах – это обязанность.

В прессе довольно часто обсуждается вопрос по поводу алиментов родителей в пользу детей. Рассматриваемые правоотношения вытекают из закрепленной ст. 120 Семейного кодекса РФ обязанности родителей содержать своих несовершеннолетних детей и совершеннолетних недееспособных детей.

В последнее время алиментные обязательства такого рода рассматриваются в различных аспектах: как фактор качественного и количественного воспроизводства населения [2], как элемент гражданской ответственности [4] и т.п. В целях защиты детей в России не так давно введен институт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка.

Однако хотелось бы обратить внимание на другую проблему, которая в средствах массовой информации и среди ученых редко бывает предметом дискуссий. Она связана с правовым регулированием и правоприменением института алиментных отношений между бывшими супругами.

Не секрет, что сегодня нередкими стали случаи, когда необходима материальная поддержка одному из бывших супругов, поскольку по разным причинам он остается без достаточных средств для удовлетворения необходимых жизненных потребностей. При этом у другого они имеются.

По семейному праву, положение бывших супругов существенно отличается от положения иных субъектов алиментных обязательств, так как бывшие супруги по отношению друг к другу не являются родственниками. После развода они между собой ничем не связаны, они посторонние друг другу лица, и все, что у них есть общего, – это то, что когда-то они состояли в браке.

Возможность распространить на бывших супругов некоторые права и обязанности после расторжения брака предопределяет личный характер их правовых связей, обусловленных ранее существовавшими семейными отношениями.

Не вступая в полемику о соотношении понятий «алименты» и «средства на содержание», отметим, что связанная с этим институтом терминология пришла в теорию семейного права из зарубежного законодательства. В связи с этим некоторые исследователи справедливо полагают, что «слово “содержание” – русского происхождения, а слово “алименты” – иностранного» [3].

Термин «алименты» в переводе с латинского языка (*alimentum*) означает содержание [5, с. 27], отсюда, алименты – это средства на содержание.

Обязанность по материальному содержанию бывших супругов возлагается на лиц, состоявших в зарегистрированном браке. Следовательно, данное правило не распространяется на лиц, живущих в так называемом гражданском браке.

Интересным представляется тот факт, что семейное законодательство и судебная практика европейских стран (например, Германии, Франции) при назначении алиментов придают большое значение вине супругов (или одного из них).

Супруг, виновный в расторжении брака или давший повод к расторжению брака, не может претендовать на предоставление ему содержания. Невинный супруг во всех случаях вправе рассчитывать на удовлетворение иска о взыскании алиментов.

Выплата средств на содержание прекращается при вступлении уполномоченного супруга в новый брак. Возникшее семейное правоотношение доминирует над прежним, а потому алиментное обязательство, вытекающее из существовавших ранее брачных отношений, утрачивает силу независимо от того, в какой мере новый супруг может обеспечить нуждающегося. Из этого следует, что в соответствии с нормами права зарубежных государств алименты устанавливаются в размере, не ухудшающем жизненный уровень супругов.

В нашей стране право на получение алиментов после расторжения брака у бывшего супруга закреплено ст. 90 Семейного кодекса РФ. Алиментное правоотношение возникает при наличии следующих юридических фактов: акта прекращения брака и оснований, определенных Кодексом. Причем, исходя из текста статьи, это право в равной степени может реализовать и бывшая супруга, и бывший супруг, а отсутствие у обязанного супруга достаточных средств для оказания помощи не отменяет возникшего правоотношения.

Законодатель четко регламентирует круг лиц, имеющих такое право. К ним относятся: 1) бывшая жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка; 2) нуждающийся бывший супруг, осуществляющий уход за общим ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста восемнадцати лет или за общим ребенком-инвалидом с детства I группы; 3) нетрудоспособный нуждающийся бывший супруг, ставший нетрудоспособным до расторжения брака или в течение года с момен-

та расторжения брака; 4) нуждающийся супруг, достигший пенсионного возраста не позднее чем через пять лет с момента расторжения брака, если супруги состояли в браке длительное время.

Нетрудоспособным признается бывший супруг, достигший пенсионного возраста (55 лет – для женщины, 60 лет – для мужчины) или являющийся инвалидом I, II, III группы. Причины инвалидности бывшего супруга (то есть возникновения нетрудоспособности), по общему правилу, значения не имеют. Важен момент наступления нетрудоспособности бывшего супруга, а именно до расторжения брака или в течение одного года после расторжения брака. В связи с этим можно обратить внимание на то, что на практике встречаются случаи, когда до вступления в брак одним из супругов скрывается информация о состоянии своего здоровья (о наследственных, хронических заболеваниях и т.п.), поэтому судам приходится с особой тщательностью исследовать все факты, чтобы вынести справедливое решение.

Возложение на супругов обязанности такого рода на уровне федерального закона путем внесения дополнений в ст. 92 Семейного кодекса РФ позволило бы быстрее принимать судебные решения.

Помещение супруга, получающего алименты от другого супруга, в дом инвалидов на государственное обеспечение либо передача его на обеспечение (попечение) общественной или других организаций либо частных лиц может явиться основанием для освобождения плательщика алиментов от их уплаты, если отсутствуют исключительные обстоятельства, делающие необходимыми дополнительные расходы (уход, лечение, питание, покупка лекарственных средств и т.п.).

Особенностью российского законодательства является то, что оно не определяет, какой конкретно срок пребывания в браке следует расценивать как длительный. Вопрос о длительности брака разрешается судом применительно к конкретной ситуации (учитывается возраст супругов, в каком по счету браке каждый из супругов состоит и др.). Практика показывает, что длительным признается срок не менее 5 лет.

Соответственно суд может освободить обязанного супруга от уплаты алиментов, если брак был непродолжительным. В правоприменительной деятельности в качестве такового признается брак, существовавший менее 1,5 лет. Вместе с тем рассматриваемые сроки трактуются в разных субъектах Российской Федерации по-разному, что влияет на увеличение сроков по вынесению решений по данной категории дел. Поэтому целесообразно четко обозначить эти сроки в ст. 90 Семейного кодекса РФ.

В качестве обязательного условия статья 90 Семейного кодекса РФ определяет наличие у бывшего супруга для выплаты алиментов необходимых средств. Это требование не касается бывшей жены в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка, поскольку данные обстоятельства связаны с многочисленными расходами (дополнительное питание, лечение, специальная одежда, отдых и тому подобное для будущей матери, а также приобретение всего необходимого для ребенка), которые должны нести оба супруга. Однако следует иметь в виду, что бывшая жена сохраняет право на алименты только в том случае, если беременность возникла до момента расторжения брака.

Размер алиментов и порядок их предоставления между бывшими супругами могут быть определены соглашением. Оно может быть заключено как в период существования брака, так и в процессе его расторжения. Соглашение может быть заключено независимо от того, является ли супруг нуждающимся и нетрудоспособным или нет.

Положения, касающиеся предоставления материального содержания супругу после развода, могут быть включены в брачный контракт.

В случае неисполнения обязанности по материальному содержанию добровольно одним из супругов, нуждающийся может обратиться в суд.

Нуждаемость бывшего супруга устанавливается судом путем сопоставления его доходов и необходимых потребностей. Бывший супруг может быть признан нуждаю-

щимся как при полном отсутствии у него средств к существованию, так и при их недостаточности.

При определении размеров алиментов на бывших супругов суд должен руководствоваться только объективно обоснованными потребностями супруга, претендующего на алименты, в пище, одежде, лечении, отдыхе и т.п. Принцип так называемого «сохранения прежнего уровня жизни» не может быть положен в основу решения. В связи с этим можно поддержать А.Л. Апеля и Н.С. Бабянскую, которые утверждают, что «привычки к роскоши, приобретенные в период брака, при определении размера алиментов во внимание не принимаются» [1, с. 88].

Размер алиментов, взыскиваемых на бывших супругов, так же, как и размер алиментов на супругов, определяется по правилам ст. 91 Семейного кодекса РФ, которая закрепляет, что при отсутствии соглашения между бывшими супругами об уплате алиментов размер алиментов определяется судом, исходя из материального и семейного положения и других заслуживающих внимания интересов сторон, в твердой денежной сумме, подлежащей уплате ежемесячно.

Изменение алиментного правоотношения возможно в направлении увеличения и уменьшения размера материального содержания. Основанием для этого может послужить решение суда по волеизъявлению заинтересованных лиц.

Принятие решения об освобождении супруга от обязанности по содержанию другого супруга или ее ограничению определенным сроком (например, взыскание алиментов на шесть, двенадцать, восемнадцать месяцев и т.д.) является правом, а не обязанностью суда.

На основании ст. 92 Семейного кодекса РФ суд вправе освободить супруга от обязанности содержать другого нетрудоспособного, нуждающегося в помощи супруга, или ограничить эту обязанность определенным сроком как в период брака, так и после его расторжения при условии, если: 1) нетрудоспособность нуждающегося супруга наступила в результате злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами или в результате совершения им умышленного преступления; 2) брак был непродолжительным; 3) поведение супруга в браке, требующего выплаты алиментов, было недостойным.

Названные обстоятельства исследуются и оцениваются судом в ходе судебного разбирательства. Возникновение нетрудоспособности в результате злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами может послужить основанием для лишения или ограничения права на алименты супруга-алкоголика или наркомана в связи с тем, что их поведение отрицательно оценивается в обществе. Здесь можно согласиться с высказываниями в средствах массовой информации о том, что предоставление алиментов на содержание супруга (бывшего супруга) – наркомана или алкоголика тождественно предоставлению средств на приобретение наркотиков и спиртных напитков.

Поведение супруга в браке, требующего выплаты алиментов, может быть признано недостойным за виновное совершение деяния в отношении обязанного лица или его близких родственников. К решению вопроса о недостойности поведения суд подходит индивидуально. При рассмотрении дела по существу он учитывает все обстоятельства. Практика идет по такому пути, когда принимаются во внимание не только уголовные преступления, но и правонарушения, а также проступки, противоречащие нормам морали и нравственности.

Весьма сложным для правоприменительной деятельности является вопрос о том, считается ли недостойным поведением супружеская измена.

Обратим внимание, что Россия была одной из первых стран, которая исключила прелюбодеяние из числа обстоятельств, имеющих значение при расторжении брака, разделе имущества, определении судьбы детей.

По действующему национальному законодательству, супружеская измена не является правонарушением. Она противоречит не нормам права, а общепризнанной морали. Следовательно, лицо, ее совершившее, не должно подвергаться какому-либо наказанию или ограничению.

Однако в отношении алиментных обязательств дело обстоит по-другому. Если брак был расторгнут из-за неверности одного из супругов, это почти всегда приводит к прекращению между супругами той личной связи, которая являлась моральным основанием для продолжения существования между ними алиментных правоотношений. Сохранение права на содержание за лицом, которое сознательно порвало эту связь, нередко причинив при этом другому супругу тяжелую моральную травму, не отвечает принципу справедливости, и супружеская измена должна быть исследована судом как «другой, заслуживающий внимания интерес».

Очень важную норму, на наш взгляд, содержит семейное законодательство по поводу права на получение алиментов в отношении лиц, которые состояли в браке, признанном впоследствии судом недействительным. По общему правилу, такие субъекты не имеют права на получение алиментов друг от друга. Исключение закреплено в п. 4 ст. 30 Семейного кодекса РФ, которое состоит в следующем: «При вынесении решения о признании брака недействительным суд вправе признать за супругом, права которого нарушены заключением такого брака (добросовестным супругом), право на получение содержания от другого супруга».

Алиментные отношения бывших супругов прекращаются при вступлении супруга, получающего алименты, в новый брак. С этого момента он вправе получать содержание от своего нового супруга. Вместе с тем статья 120 Семейного кодекса РФ связывает прекращение права на алименты только со вступлением в зарегистрированный брак. Значит, вступление получателя в фактические брачные отношения – гражданский брак – не влияет на алиментное обязательство. Такое правовое регулирование приводит к нарушению прав бывшего супруга, уплачивающего алименты, поскольку на практике недобросовестный получатель алиментов иногда умышленно не регистрирует брак в целях сохранения права на материальное содержание. Поэтому к случаям, когда супруг, состоящий в фактических брачных отношениях, не регистрирует брак для того, чтобы продолжать получение алиментов от бывшего супруга, суд должен применять правила ст. 120 «Прекращение алиментных обязательств» Семейного кодекса РФ.

Иногда суд отказывает в удовлетворении иска о взыскании алиментов в отношении бывшего супруга. Однако отказ не прекращает алиментного правоотношения. Он лишь может указывать на отсутствие необходимых условий в настоящее время. Появление их в будущем порождает право на повторное обращение в суд.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что на практике стали нередкими случаи несвоевременного исполнения алиментной обязанности лицами в отношении бывших супругов. Но рассматриваемое обязательство, независимо от различных оснований, субъектного состава, как любое другое, порождает права и обязанности, осуществление которых при ненадлежащем исполнении должно достигаться мерами юридической ответственности. Поэтому, чтобы устранить указанные факты и побудить лиц к надлежащему исполнению обязанности по содержанию бывшего супруга, необходимо, по аналогии с гражданским законодательством, установить неустойку (пеню) за просрочку исполнения.

Подводя итог изложенному, автор надеется на то, что сформулированные им в статье предложения по совершенствованию семейного законодательства (при своевременном внесении их в нормативные правовые акты) смогут повлиять на эффективность правоприменительной деятельности.

Литература

1. Апель А.Л., Бабьянская Н.С. Расторжение брака. Правовые особенности отношений бывших супругов. СПб., 2003.
2. Гурко Т.А. Алименты: фактор качественного и количественного воспроизводства населения // Социс. 2008. № 9 (293). С. 110.
3. Евдокимова К.В., Лопаткин В.А. К вопросу о соотношении понятий «алименты» и «средства на содержание несовершеннолетнего ребенка, совершеннолетнего, но нетрудоспособного ребенка, нетрудоспособного родителя» // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и правоприменения: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2008. С. 87.
4. Ржаницына Л.С. Алименты на детей как элемент гражданской ответственности // Социс. 2010. № 7 (315). С. 56.
5. Юридический словарь / сост. А.Ф. Никитин. М., 2004.

УДК 343.233

**ЯТРОГЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РЕПРОДУКТИВНОЙ
СФЕРЕ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Елена Юрьевна Антонова, заведующий кафедрой юридического факультета
Хабаровской государственной академии экономики и права

доктор юридических наук, доцент;

Светлана Владимировна Замалеева, преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

В настоящей статье анализируется зарубежный опыт законодательной регламентации ятрогенных преступлений в репродуктивной сфере. Авторы приходят к выводу о том, что для российского законодателя представляют интерес технико-юридические приемы конструирования составов преступлений, связанных с незаконным проведением искусственного прерывания беременности, умышленным или неосторожным повреждением плода, незаконным искусственным оплодотворением, имплантацией эмбриона, незаконной медицинской стерилизацией, генетическими манипуляциями и др.

Ключевые слова: ятрогенные преступления; уголовная ответственность; медицинский работник; субъект преступления; репродуктивная сфера; согласие пациента.

**IATROGENIC CRIMES IN THE REPRODUCTIVE SPHERE
IN CRIMINAL LAW CERTAIN BY FOREIGN COUNTRIES**

Elena Yurievna Antonova, chair head of the Khabarovsk State Academy
of Economics and Law Doctor of Law, associate professor;

Svetlana Vladimirovna Zamaleeva, lecturer of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

This article analyzes the foreign experience of legislative regulation of iatrogenic crimes in the reproductive sphere. The authors conclude that for the Russian legislator is of interest to technical and legal methods of designing of structures of a criminal act related to the illegal conduct of the artificial termination of pregnancy, intentional or negligent damage to the fetus, illegal ethyl artificial insemination, embryo implantation, illegal medical sterilization, genetic manipulation, etc.

Keywords: iatrogenic crime; criminal liability; medical professional; the subject of crime; reproductive sphere; the patient's consent.

Защита репродуктивных прав личности по российскому законодательству осуществляется лишь путем установления запрета на проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля (ст. 123 УК РФ). В связи с этим интересным представляется зарубежный опыт законодательной регламентации ятрогенных преступлений в репродуктивной сфере. В первую очередь следует остановиться на конструктивных особенностях норм о незаконном проведении искусственного прерывания беременности.

Обращает на себя внимание тот факт, что уголовное законодательство отдельных зарубежных стран (Японии [27], Израиля [7], Турции, Республики Корея [16]) не ограничивается одной нормой, запрещающей незаконное проведение указанной операции, а содержит специальную главу, объединяющую систему таких норм.

В качестве специального субъекта незаконного прерывания беременности в уголовных кодексах некоторых зарубежных стран выделяется медицинский работник, имеющий медицинское образование соответствующего профиля. Так, *лиц, имеющих высшее медицинское образование соответствующего профиля*, в качестве субъекта данного преступления выделяют законодатели Республик Армения (ч. 1 ст. 122 УК) [12], Беларусь (ст. 156 УК) [13], Таджикистан (ст. 123 УК) [19], Казахстан (ст. 117 УК) [15], Кыргызской Республики (ст. 116 УК) [9] и Туркменистана (ст. 120 УК) [21]; *врача-акушера и (или) гинеколога* – законодатели Эстонской (ст. 120 УК) [26], Азербайджанской (ст. 141 УК) [4] Республик и Республики Узбекистан (ст. 114 УК) [23]; *врача, акушера, фармацевта или торговца медикаментами* – законодатель Японии (ст. 214 УК); *врача, гомеопата, акушера, фармацевта или аптекаря* – законодатель Республики Корея (ч. 1 ст. 270 УК); *врача, имеющего право производить операции аборта*, – законодатель Литовской Республики (ч. 1 ст. 142 УК) [11]; *лицо, имеющее на это право*, – законодатель Латвийской Республики (ч. 1 ст. 135 УК) [10].

Кроме того, зарубежные законодатели в диспозициях соответствующих норм обращают внимание на наличие или отсутствие согласия беременной женщины на прерывание беременности. Так, на прерывание беременности с согласия женщины указывают уголовные кодексы Испании (ст. 145) [8], Австрии (ч. 1 ст. 96) [3], Бельгии (ст. 350) [5], Польши (ст. 152, 154) [18], Таиланда (ст. 302) [20], Турции (ст. 469, 470) [22] и Японии (ст. 214).

Прерывание беременности без согласия женщины является квалифицированным составом по уголовному законодательству Германии (ст. 218 «с») [14], Швейцарии (ст. 119) [25], Франции (ст. 223-10) [24], Голландии (ч. 3, 4 ст. 296) [6], Бельгии (ст. 348), Австрии (ч. 1 ст. 98), Испании (ст. 144), Турции (ст. 468), Японии (ст. 215), Кореи (ст. 270), Таиланда (ст. 303).

При этом законодатели, как правило, подробно описывают условия правомерности или неправомерности проведения операции по прерыванию беременности. Например, по УК Эстонской Республики, прерывание беременности по воле беременной гинекологом расценивается в качестве преступления, если такое деяние совершается позднее, чем это допускается законом (ч. 1 ст. 120).

Часть 1 ст. 142 УК Литовской Республики устанавливает ответственность врача, имеющего право производить операции аборта по просьбе пациентки, если были противопоказания или это было совершено не в учреждении здравоохранения.

Интересным представляется подход латвийского законодателя, который в ч. 1 ст. 135 УК предусматривает ответственность за производство аборта лицом, имеющим на это право, вне больницы или другого лечебного учреждения или в лечебном учреждении, но без законных оснований. Конструируя часть 2 ст. 135 УК, латвийский законодатель уравнил по степени общественной опасности производство аборта лицом, имеющим на это право, но совершенное в антисанитарных условиях, с производством аборта лицом, не имеющим на это права.

В соответствии с § 97 УК Австрии прерывание беременности является ненаказуемым, если: 1) проводится в течение первых трех месяцев врачом после проведения соответствующей врачебной консультации или 2) необходимо для предотвращения серьезной, иначе не предотвратимой опасности для жизни беременной женщины или для предотвращения тяжкого вреда для ее физического или психического состояния, или существует серьезная опасность того, что ребенок может иметь психические или физические отклонения, или беременная во время зачатия ребенка являлась малолетней, и во всех этих случаях беременность прерывается врачом, или 3) беременность была прервана для спасения жизни беременной от непосредственной, иначе не предотвратимой

опасности при наличии обстоятельств, когда несвоевременно была оказана медицинская помощь.

При этом никакой врач не обязан осуществлять прерывание беременности или участвовать в нем, за исключением случаев, когда прерывание беременности является безотлагательным для того, чтобы спасти жизнь беременной женщины от непосредственной, иначе не предотвратимой опасности. Это предписание распространяется также на лиц, относящихся к техническому медицинскому персоналу или оказывающих санитарную помощь и осуществляющих деятельность по уходу за больными.

Статья 120 УК Швейцарии относит прерывание беременности к ненаказуемым деяниям в случае, когда оно проводится с письменного согласия беременной путем действий, которые проводит врач, имеющий соответствующий патент, после получения заключения второго врача, имеющего соответствующий патент, чтобы предотвратить опасность для жизни беременной, не предотвратимую иным образом, или предотвратить большую опасность продолжительного тяжкого вреда здоровью беременной. Данное заключение должно быть получено от врача-специалиста, имеющего представление о состоянии женщины, который постоянно или временно наделен соответствующими полномочиями компетентными органами кантона, где беременная имеет место жительства или ей должно быть проведено вмешательство. Нарушение перечисленных условий является основанием для привлечения врача к уголовной ответственности на общих основаниях.

УК Германии в ст. 218 и 218 «б» описывает условия ненаказуемости прерывания беременности, а также случаи, когда аборт не является противоправным. К нарушениям врачами профессиональных обязанностей при прерывании беременности германский законодатель относит (ст. 218 «с»): 1) непредоставление женщине возможности изложить причины, по которым она требует прервать беременность; 2) непроведение консультации беременной женщины о значении вмешательства, особенно о ходе, последствиях, риске, о возможных физических и психических последствиях; 3) прерывание беременности без предварительного установления на основании медицинского исследования срока беременности [1, с. 86-88].

Группа норм, регламентирующих ответственность за незаконное искусственное прерывание беременности, в УК Израиля открывается ст. 312, которая содержит понятийный аппарат и раскрывает основные термины («лицензированный медицинский центр», «гинеколог» и др.).

В статье 313 УК Израиля сформулирован запрет на прерывание беременности путем медицинского вмешательства или любым другим способом, который наказывается тюремным заключением сроком на пять лет либо штрафом.

В статьях 314-317 УК Израиля изложены условия правомерности искусственного прерывания беременности. В частности, гинеколог не будет подлежать уголовной ответственности, если: 1) прерывание беременности было произведено в лицензированном медицинском центре; 2) было заранее получено разрешение комиссии в составе трех членов.

Комиссия имеет право после получения осознанного согласия женщины предоставить разрешение на прерывание беременности, если убедилась в необходимости этого по одной из причин: 1) женщина не достигла возраста, необходимого для вступления в брак, либо ей исполнилось сорок лет; 2) беременность наступила вследствие половых отношений, запрещенных уголовным законом, либо вследствие кровосмешения, либо вследствие внебрачных отношений; 3) новорожденный может оказаться с физическим недостатком либо с ментальным дефектом; 4) продолжение беременности может подвергнуть опасности жизнь самой женщины либо причинить физический или психический вред ее здоровью.

Комиссия не имеет права отказать в выдаче разрешения на прерывание беременности, прежде чем женщине не была предоставлена возможность выступить перед комиссией и изложить свои доводы. Разрешение на искусственное прерывание беремен-

ности должно быть выдано в письменном виде с пояснением причины, послужившей для прерывания беременности.

Врач также не будет подлежать уголовной ответственности за производство прерывания беременности у женщины при условии, что была представлена об этом объяснительная записка генеральному директору Министерства здравоохранения в течение пяти дней после события в каждом из случаев: 1) была необходимость в немедленном производстве прерывания беременности в целях спасения жизни женщины либо в целях предотвращения невосполнимого вреда ее здоровью; 2) прерывание беременности было произведено по необходимости во время оказания другой медицинской помощи беременной женщине, и врачу не было известно заранее, что она беременна (ст. 317) [1, с. 88-89].

Представляется правильной законодательная конструкция состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконное производство аборта в УК Республики Беларусь. Часть 1 ст. 156 УК Республики Беларусь устанавливает ответственность за незаконное производство аборта врачом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, а в ч. 2 данной нормы говорится о производстве аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля.

Таким образом, белорусский законодатель подчеркивает, что производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, всегда является незаконным, в то время как врач, имеющий соответствующую квалификацию, будет подлежать ответственности лишь в случаях нарушения специально установленных правил производства данной операции.

Испанский законодатель помимо норм, запрещающих незаконное производство аборта (ст. 144-146 УК), в ст. 157 УК предусмотрел ответственность за умышленное повреждение или травмирование плода, которое нанесло серьезный вред нормальному развитию плода или вызвало у него серьезный физический или психический недостаток. Лицо, совершившее данное деяние, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от года до четырех лет с лишением права на занятие лечебной практикой или предоставление услуг любого рода в частных и государственных клиниках и гинекологических консультациях на срок от двух до восьми лет. Кроме того, в ст. 158 УК Испании установлена ответственность за неосторожное повреждение плода.

Подход зарубежных законодателей к вопросу о правовой регламентации ответственности медицинских работников за незаконное производство аборта представляется более удачным, так как они запрещают проведение искусственного прерывания беременности не только лицам, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, как это предусмотрено в отечественном законодательстве, но и медицинским работникам, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, в случае, если они нарушают правила и стандарты проведения данной операции.

Следующая группа преступлений в репродуктивной сфере представлена нормами о незаконном искусственном оплодотворении и имплантации эмбриона, а также медицинской стерилизации.

Статья 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет положение о применении вспомогательных репродуктивных технологий, представляющих собой методы лечения бесплодия. Суть данных методов сводится к тому, что отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства).

В настоящее время самостоятельная норма, регламентирующая незаконное проведение искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона, в УК РФ отсутствует, и ответственность за данное деяние может наступать в соответствии со ст. 235 УК РФ (Незаконное занятие частной медицинской практикой), а также по статьям, предусматривающим наказание за умышленное причинение вреда здоровью.

Уголовное законодательство некоторых зарубежных стран, в отличие от российского, предусматривает специальные нормы, запрещающие действия, направленные на незаконное искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона. К таким странам относятся Азербайджанская (ст.136.1 УК), Литовская (ст. 100 УК) и Эстонская (ст. 120.1 УК) Республики, а также Республика Молдова (ст. 161 УК) [17]. Кроме того, УК Эстонской Республики регламентирует запрещенные действия с эмбрионами (ст. 120.2).

Законодатели Азербайджанской Республики и Республики Молдова в качестве единственного криминообразующего признака незаконного искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона предусмотрели отсутствие согласия женщины на проведение подобной операции. При этом молдавский законодатель требует согласия пациентки в письменной форме, а также прямо выделяет врача в качестве субъекта данного преступления.

В Эстонии процедура искусственного оплодотворения и защиты эмбриона регламентируется Законом от 18 июня 1997 г. «Об искусственном оплодотворении и защите эмбриона». В УК Эстонской Республики предусмотрена ответственность за имплантацию женщине чужой яйцеклетки или созданного из нее эмбриона с нарушением указанного закона, а также за частное посредничество в имплантации чужой яйцеклетки или созданного из нее эмбриона (ст. 120.1) и за совершение запрещенных действий с эмбрионами (ст. 120.2).

Законодательство Франции регламентирует биоэтические вопросы, связанные с репродуктивной сферой, с предоставлением медицинской помощи по искусственному оплодотворению. Целью такой помощи является преодоление бесплодия патологического характера, не преодолемого другим способом, которое диагностировано врачом, а также недопущение передачи ребенку какого-либо заболевания исключительной тяжести (ст. L. 2141-2 Кодекса законов о здравоохранении 2000 г.).

Французское законодательство о здравоохранении запрещает зачатие человеческих эмбрионов *in vitro* в исследовательских, научных или экспериментальных целях (ст. L. 2148 Кодекса законов о здравоохранении). Эта же норма запрещает «всякое экспериментирование над эмбрионом». Нарушение указанных запретов влечет уголовную ответственность [2, с. 23]. Кроме того, французский законодатель запрещает «селекцию» эмбрионов человека, включая выбор пола и определенных физических характеристик [12].

Статья 57 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ разрешает в России медицинскую стерилизацию, т.е. специальное медицинское вмешательство в целях лишения человека способности к воспроизводству потомства или как метод контрацепции. Такое вмешательство может быть проведено только по письменному заявлению гражданина в возрасте старше тридцати пяти лет или гражданина, имеющего не менее двух детей, а при наличии медицинских показаний и информированного добровольного согласия гражданина – независимо от возраста и наличия детей. Для возможности проведения операции необходимо письменное добровольное заявление гражданина, пожелавшего подвергнуться стерилизации. Стерилизация без разрешения пациента или суда, кроме случаев ее экстренного проведения по жизненным показаниям, расценивается как причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) по признаку утраты органом его функций.

При этом УК РФ, в отличие от законодательства ряда зарубежных стран, не имеет специальной нормы, запрещающей проведение незаконной медицинской стерилизации. К таким зарубежным странам относятся Азербайджанская (ст. 136.2 УК), Литовская (ст. 104 УК), Эстонская (ст. 120 УК) Республики, а также Республика Молдова (ст. 160 УК). Молдавский законодатель выделяет врача в качестве специального субъекта незаконного осуществления хирургической стерилизации.

Полагаем, что российскому законодателю следует использовать опыт зарубежных коллег в этом вопросе и ввести специальную норму, предусматривающую уголовную ответственность медицинского работника в случае проведения медицинской стерилизации против воли потерпевшей, если в результате таких действий причинен вред здоровью или смерть пациента.

К преступлениям в сфере репродуктивных прав личности зарубежные законодатели также относят общественно опасные деяния в сфере генетики.

Так, УК Грузии предусматривает уголовную ответственность за генетические манипуляции, т.е. создание существа, подобного человеку (ст. 136); УК Республики Молдова – за создание человеческих существ путем клонирования (ст. 144); УК Эстонской Республики – за склонение к генному донорству, т.е. «оказание предложением материальной платы либо нанесением ущерба, либо угрозой его нанесения влияния на человека на дачу согласия для взятия проб тканей с целью проведения генетических исследований» (ст. 124.4) [1, с. 67].

УК Испании к преступлениям в сфере репродуктивных прав личности относит: изменение человеческого генотипа (ст. 159); использование генной инженерии для производства биологического оружия или оружия массового поражения (ст. 160); оплодотворение человеческой яйцеклетки с какой-либо целью, отличной от цели человеческого воспроизводства (ч. 1 ст. 161); создание идентичных человеческих существ путем клонирования или других действий (ч. 2 ст. 161); производство искусственного размножения в женском организме без согласия женщины (ст. 162).

Защита репродуктивных прав личности и интересов человеческого эмбриона уголовно-правовыми средствами подробно представлена французским законодателем. В частности, УК Франции в кн. 5 «Прочие преступления и проступки» выделяет раздел I «О преступных деяниях в области здравоохранения». В главу I указанного раздела «О преступных деяниях в области биомедицинской этики» включен отдел I «О защите человеческого вида», который предусматривает ответственность за практическую реализацию евгенетики, направленную на организацию селекции людей (ст. 511.1). Отдел II «О защите человеческого организма» выделяет такие преступления, как получение от человека какого-либо из его органов на условиях оплаты в какой бы то ни было форме (ст. 511.2); изъятие какого-либо органа у совершеннолетнего живого человека при отсутствии его согласия (ст. 511.3); получение от человека тканей, клеток или продуктов его жизнедеятельности на условиях оплаты в какой бы то ни было форме (ст. 511.4) и др.

Не менее интересным представляется отдел III «О защите человеческого эмбриона» УК Франции, включающий в себя следующие преступления: приобретение человеческих эмбрионов на условиях оплаты в какой бы то ни было форме или предоставление посреднических услуг для содействия приобретению человеческих эмбрионов на условиях оплаты в какой бы то ни было форме, либо возмездная передача человеческих эмбрионов третьим лицам (ст. 511.15); получение человеческих эмбрионов без соблюдения условий, предусмотренных Кодексом законов о здравоохранении (ст. 511.16); осуществление зачатия *in vitro* человеческих эмбрионов в промышленных или коммерческих целях (ст. 511.17); осуществление зачатия *in vitro* человеческих эмбрионов в исследовательских или экспериментаторских целях (ст. 511.18); изучение эмбриона или экспериментирование над ним в нарушение положений Кодекса законов о здравоохранении (ст. 511.19) и др.

Кроме того, УК Франции выделяет целый ряд преступлений, с учетом новых веяний медицинской науки, в частности, в сфере биомедицинской этики: «О защите человеческого вида», «О защите человеческого организма», «О защите человеческого эмбриона».

Итак, уголовное законодательство зарубежных стран содержит широкую систему ятрогенных преступлений в репродуктивной сфере. Данная система не ограничивается нормами об ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания бе-

ременности, включая составы таких преступлений, как умышленное или неосторожное повреждение плода; незаконное искусственное оплодотворение; имплантация эмбриона; незаконная медицинская стерилизация; генетические манипуляции и др.

Считаем, что технико-юридические приемы конструирования составов преступлений в репродуктивной сфере, используемые зарубежными законодателями, могут быть полезными при совершенствовании отечественного уголовного законодательства.

Литература

1. Блинов А.Г. Уголовно-правовая охрана пациента в международном и зарубежном законодательстве / под ред. Б.Г. Разгильдиева. М., 2010. 164 с.
2. Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: ИНФРА-М, 2006. 320 с.
3. Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. и вступ. ст. С.В. Милюкова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 352 с.
4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / науч. ред. И.М. Рагимова; пер. с азерб. Б.Э. Аббасова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 325 с.
5. Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. и предисл. Н.И. Мацнева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 562 с.
6. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкина; пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 510 с.
7. Уголовный кодекс Израиля / пер. с иврита М. Дорфмана. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2010. 259 с.
8. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова. М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. 218 с.
9. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 352с.
10. Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и вступ. ст. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с латыш. А.И. Лукашова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 313 с.
11. Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред. В. Павилониса; пер. с лит. В.П. Казанскене. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 470 с.
12. Уголовный кодекс Республики Армения / науч. ред. Е.Р. Азаряна, Н.И. Мацнева; пер. с арм. Р.З. Авакяна. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 450 с.
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 474 с.
14. Уголовный кодекс Республики Германии / науч. ред. и вступ. ст. Д.А. Шестакова; пер. с нем. Н.С. Рачковой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 524 с.
15. Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 466 с.
16. Уголовный кодекс Республики Корея / под науч. ред. и с предисл. А.И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 240 с.
17. Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 408 с.
18. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А.И. Лукашова, Н.Ф. Кузнецовой; пер. с польск. Д.А. Барилевич. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 234 с.
19. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 408 с.
20. Уголовный кодекс Таиланда / под ред. А.И. Бойцова; пер. с тайского А. Четсумона. М.: Юрид. центр Пресс, 2005. 200 с.
21. Уголовный кодекс Туркменистана / отв. за вып. Я. Кичиева, Н. Смирнова. Ашгабат: Туркменистан, 1997. 352 с.
22. Уголовный кодекс Турции / пер. с турец. Н. Сафарова, Х. Бабаева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 374 с.
23. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 338 с.
24. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. Н.Е. Крыловой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 650 с.
25. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред. и предисл. А.В. Серебренниковой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 350 с.
26. Уголовный кодекс Эстонской Республики / науч. ред. В.В. Запелова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 262 с.
27. Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 226 с.

УДК 316.43

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ СИСТЕМНОЙ ДИНАМИКИ
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА
НА ПОДГОТОВКУ КАДРОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ МВД РОССИИ**

Александр Владимирович Рыбак, заместитель начальника кафедры
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат технических наук, доцент

В статье рассматриваются возможности математического моделирования при формировании государственного заказа на подготовку кадров в образовательных учреждениях МВД России. Автор предлагает для этого использовать метод системной динамики, а также оригинальные методики расчета основных переменных представленной математической модели на основе применения различных методов статистического анализа.

Ключевые слова: государственный заказ на подготовку кадров органов внутренних дел; прогнозирование кадровой потребности; математическая модель кадрового обеспечения органов внутренних дел; метод системной динамики; экстраполяция; метод экспертных оценок; медиана.

**APPLICATION OF SYSTEM DYNAMICS IN THE FORMATION
OF THE STATE ORDER ON PERSONNEL TRAINING IN THE EDUCATIONAL
ESTABLISHMENTS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS**

Alexander Vladimirovich Rybak, deputy chair head of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Kandidat nauk degree in Technical, associate professor

This article discusses the features of mathematical modeling in the formation of the State order on personnel training in educational institutions of Ministry of Internal Affairs of Russia. The author proposes the use of system dynamics method and the ingenious methods for calculation of core variables of mathematical model, based on the use of the statistical analysis.

Keywords: the State order on personnel training of law-enforcement bodies; forecasting staffing needs; mathematical model for the staffing of the internal affairs agencies; the method of system dynamics; extrapolation; the method of expert estimations; the Median.

В соответствии с п. 9 Порядка отбора граждан на службу в ОВД РФ, утвержденного приказом МВД России от 19 мая 2009 г. № 386, работа по отбору кандидатов на службу в ОВД включает в себя отбор кандидатов на обучение в образовательных учреждениях (ОУ) МВД России. Эта работа имеет плановый характер и должна осуществляться с учетом текущей и перспективной потребности в кадрах, возможностей конкретных источников комплектования.

К сожалению, в последнее время методы прогнозирования потребности в кадрах не применяются при планировании набора в ОУ МВД России. Образовательные учреждения МВД России ежегодно направляют в ДГСК МВД России предложения о наборе, исходя из имеющейся штатной численности переменного состава (а точнее, вакант-

ных мест переменного состава на момент нового набора). Подразделения ОВД, в свою очередь, также направляют такие предложения, которые формируются, как правило, исходя из существующего на момент подачи предложений некомплекта. ДГСК приходится формировать план набора в образовательные учреждения МВД России на основании этих предложений. Таким образом, при формировании государственного заказа на подготовку кадров в образовательных учреждениях МВД России и соответствующего плана набора на год элементы прогнозирования практически не используются.

В то же время задача прогнозирования кадровой потребности ОВД в выпускниках ОУ МВД России решается, хотя и является структурно сложной и многовариантной по методам решения.

Сложность задачи определяется следующими факторами:

1. Прогнозирование кадровой потребности ОВД в выпускниках образовательных учреждений МВД России является долгосрочным (прогноз дается на срок не менее 5 лет). Данный факт очевиден и не нуждается в особых комментариях, так как в настоящее время срок обучения в ОУ МВД России по большинству специальностей составляет 5 лет.

Таким образом, величина набора курсантов и слушателей в вузы МВД, например в 2014 г., должна определяться кадровой потребностью в выпускниках ОУ МВД России в 2019 г.

2. Кадровая потребность (обозначим ζ) в выпускниках ОУ МВД России в 2019 г., в свою очередь, определяется как разность между кадровой потребностью в сотрудниках ОВД в 2019 г. (обозначим λ) и прогнозируемой численностью работающих сотрудников ОВД в том же году (обозначим δ).

$$\zeta = \lambda - \delta \quad (1)$$

Рассмотрим более подробно величину λ . При ее определении можно руководствоваться двумя подходами.

Первый подход основан на использовании действующего в 2014 г. штатного расписания ОВД по основным специальностям, по которым ведут обучение вузы МВД России, без учета возможных изменений оперативной обстановки в 2019 г. и при отсутствии в этом периоде организационно-штатных мероприятий.

Второй подход – более сложный, но объективно-мотивированный. Он ориентирован на построение имитационных моделей, воспроизводящих структуру взаимодействия процессов, отражающих кадровую политику органов внутренних дел и состояние преступности, состояние преступности и деятельность правоохранительных органов и т.д. Выявление целостности этих взаимодействий гораздо важнее, чем внутреннее содержание каждого фактора, взятого в отдельности. Особого внимания здесь заслуживает метод системной динамики, на основе которого в последнее время активизировались исследования сложных социальных систем. Применение этого метода при построении имитационных моделей предприятия, города, при разработке глобальных моделей мира и т.д. получило всеобщее признание. Эффективен он будет и в нашем случае.

Действительно, ресурсное обеспечение органов внутренних дел и преступность как элементы более общей единой системы находятся в сложном взаимодействии друг с другом. Количество и качество кадрового состава системы органов внутренних дел (наряду с организационной структурой, материально-техническим обеспечением) определяют интенсивность входящего потока – «выявленные преступники». Когда реальный поток преступлений превышает возможности органов внутренних дел по его «переработке», повышается уровень латентной преступности. Кроме того, выявленные «излишки» различными путями попадают в отказные материалы, имеют место и случаи укрывательства, нарушения учетно-регистрационной дисциплины. Существует и законный путь снятия криминологической напряженности: увеличение доли лиц, не при-

влекаемых к уголовной ответственности в связи с передачей материалов на рассмотрение общественности.

Весьма важно отметить, что с увеличением нагрузки на орган внутренних дел падает раскрываемость преступлений – розыскные мероприятия ослабевают, уголовные дела приостанавливаются, а следственная работа по ним, по сути, прекращается и т.д.

Таким образом, динамическое равновесие элементов системы «преступность – ресурсы» – весьма значимое понятие с точки зрения разработки математических моделей кадрового обеспечения органов внутренних дел.

Распознавать и ликвидировать отклонения от состояния динамического равновесия – важная проблема управления органами внутренних дел. Различные принципы (декриминализация определенного круга деяний, снижение уровня ресурсной обеспеченности органов внутренних дел и т.п.) могут привести к механическому снижению потока зарегистрированной преступности. Однако эта возможность обязательно должна быть компенсирована повышением активности профилактического воздействия, причем не только и не столько со стороны органов внутренних дел с их ограниченными ресурсами, сколько со стороны иных специальных институтов. В противном случае возникает опасность аккумуляции невыявленных преступников, усиления взаимодействия лиц с антиобщественной установкой.

Общий показатель раскрываемости и набор частных показателей раскрываемости по ряду причин также не являются достаточно объективными ввиду того, что в них никак не учитываются нагрузка на сотрудников различных служб органов внутренних дел, различия в трудозатратах на раскрытие различных видов преступлений и т.п. Именно поэтому ряд ученых характеризуют показатель раскрываемости как неэффективный, другие предлагают использовать его в комплексе с иными показателями.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что оценивать только показателем раскрываемости деятельность, в частности сотрудников уголовного розыска, работающих в различных условиях, недостаточно. Суть в том, что в настоящее время неопровержимо доказана нелинейная зависимость показателя раскрываемости от таких параметров, как интенсивность зарегистрированной преступности (число преступлений, отнесенных к численности населения) и кадровая обеспеченность (количество работников уголовного розыска, отнесенное к численности населения) [3]. Эта зависимость записывается в виде:

$$\alpha = \frac{\gamma \cdot \rho}{I} \cdot (1 - e^{-\frac{I}{\gamma \cdot \rho}}), \quad (2)$$

где α – показатель раскрываемости, равный отношению числа раскрытых преступлений W к общему числу зарегистрированных преступлений V ;

γ – показатель «пропускной способности» аппаратов уголовного розыска, зависящий от структуры регистрируемой преступности, уровня организации оперативно-розыскной деятельности и ряда других факторов.

I – интенсивность зарегистрированной преступности, которая определяется:

$$I = \frac{V}{N}, \quad (3)$$

где N – численность населения в регионе;

ρ – кадровая обеспеченность, которая выражается через соотношение

$$\rho = \frac{R}{N}, \quad (4)$$

где R – реальная численность сотрудников уголовного розыска.

Вид зависимости показателя раскрываемости от интенсивности зарегистрированной преступности при $p = \text{Const}$ представлен на рис. 1, а вид зависимости показателя раскрываемости от кадровой обеспеченности при $I = \text{Const}$ – на рис. 2.

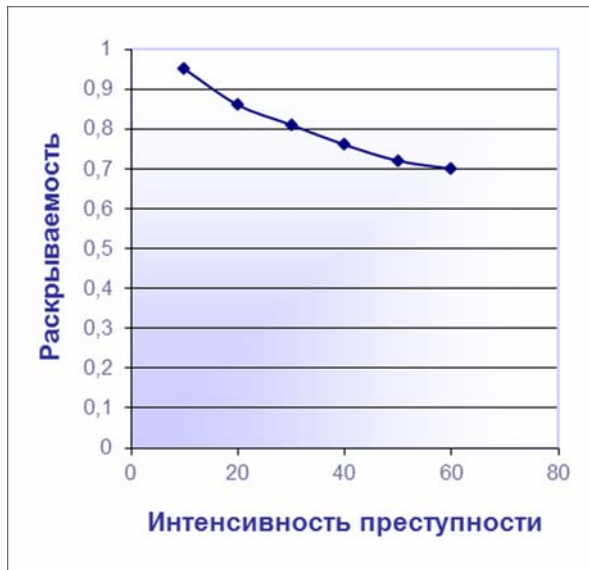

Рис. 1. График зависимости раскрываемости преступности от ее интенсивности ($\rho = 1,6 \cdot 10^{-4}$, $\gamma = 50$)

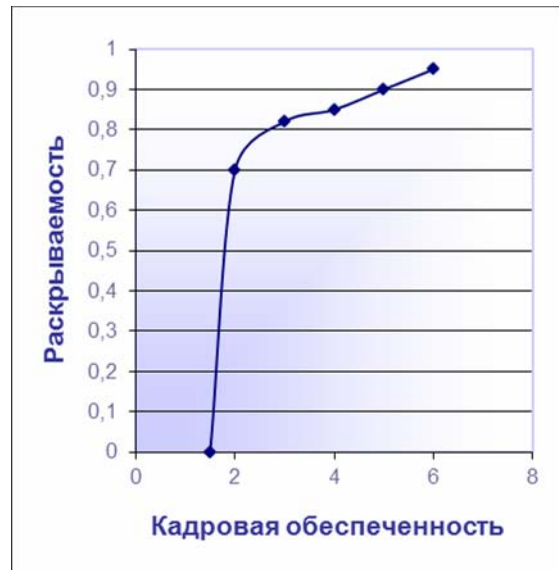

Рис. 2. График зависимости раскрываемости от кадровой обеспеченности уголовного розыска ($I = 34,4$, $\gamma = 50$)

Изучение отмеченных закономерностей, описанных с помощью математической модели (2), и использование их в практике управления деятельностью ОВД позволяет решать задачи расчета кадровой потребности ОВД на основе заданного нормативного значения раскрываемости и прогнозируемого на этот период значения преступности.

Для этого формулу (2) с учетом выражений (3) и (4) можно преобразовать в следующий вид:

$$\alpha = \frac{\gamma \cdot R}{V} \cdot \left(1 - e^{-\frac{V}{\gamma \cdot R}}\right) \quad (5)$$

В первую очередь выражение (5) можно использовать в качестве базовой математической модели, на основе которой можно решить задачу определения кадровой потребности R как по следственным подразделениям, так и по уголовному розыску.

Задача может быть сформулирована по-разному, в зависимости от поставленной цели.

Например: Какова должна быть штатная потребность в оперуполномоченных уголовного розыска (R) в 2019 г. в условиях неизменности тренда количества зарегистрированных преступлений (V) для обеспечения коэффициента раскрытых преступлений (α), допустим, равного 60 %?

Постоянными величинами здесь являются α , V , γ , искомой – R – штатная потребность.

При этом (α) задается нормативно, V – количество зарегистрированных преступлений в 2019 г. – определяется методом экстраполяции с уточнением методом экспертных оценок. В условиях стабильной тенденции уменьшения преступности за последние годы прогноз экстраполяцией должен быть достаточно точным.

γ – показатель «пропускной способности», отражающий интегрированную оценку оптимальной нагрузки (например, количество уголовных дел) на одного оперуполно-

моченного (или следователя при расчете штатной потребности следственных подразделений). «Пропускная способность» зависит прежде всего от трудозатрат на раскрытие или расследование разных видов преступлений. Так, например, трудозатраты на раскрытие и расследование многоэпизодного преступления в сфере экономики гораздо выше, чем при расследовании кражи сотового телефона. В связи с этим оптимальная нагрузка на сотрудника, работающего в сфере борьбы с экономическими преступлениями, должна быть ниже оптимальной нагрузки сотрудника, специализирующегося на краже сотовых телефонов. Итоговый показатель «пропускной способности» рассчитывается как интегрированная величина с учетом доли каждой группы преступлений, имеющих приблизительно равную трудоемкость [3, с. 47-57].

Допустим, что методом экспертных оценок все преступления классифицированы по четырем группам в зависимости от трудоемкости процесса раскрытия и расследования преступлений. В соответствии с этим каждой группе на основании проведенной экспертизы определяется оптимальная нагрузка на одного сотрудника, которая не должна превышать его возможности.

Например: 1 группе, как наиболее трудоемкой, определяется оптимальная нагрузка в 20 уголовных дел в год, 2 группе – 30 уголовных дел, 3 – 40 уголовных дел, 4 – 50 уголовных дел.

Пусть доля 1 группы в общем количестве зарегистрированных преступлений будет 5 %, 2 группы – 20 %, 3 группы – 25 %, 4 группы – 50 %. Итоговая «пропускная способность» рассчитывается как

$$20*0,05+30*0,2+40*0,25+50*0,5= 42$$

Таким образом, оптимальная нагрузка на одного оперуполномоченного $\gamma = 42$ уголовных дела в год.

Подставляя полученное значение γ в формулу (4), находим такое значение R (кадровая потребность), которое при заранее определенном прогнозном значении количества зарегистрированных преступлений в 2019 г. (методы экстраполяции и экспертных оценок) обеспечит раскрываемость равную, допустим, 60 %.

Аналогичным образом можем рассчитать кадровую потребность следственных подразделений.

В итоге, получив цифру общей кадровой потребности λ , например, следователей и оперуполномоченных на 2019 г. для определения кадровой потребности ОВД в выпускниках ОУ МВД России (формула 1), необходимо рассчитать реальную (назовем ее остаточной) численность личного состава на этот период. При этом надо учитывать, что остаточная численность сотрудников ОВД в определенный временной период является, в свою очередь, функцией от множества переменных:

$$\delta = f(x_1, x_2, x_3, x_4, x_5 \dots x_n),$$

- где x_1 - некомплект штатной численности подразделения ОВД;
- x_2 - количество ежегодно увольняемых и принимаемых на службу сотрудников;
- x_3 - количество сотрудников, достигших предельного возраста службы и подлежащих увольнению из ОВД;
- x_4 - степень мобильности кадров подразделения (переводы, повышения и проч.);
- x_5 - возможность организационно-штатных мероприятий и т.п.

Определение численных значений представленных переменных на пять лет вперед является достаточно сложной задачей. Прежде всего, это связано с тем, что экстраполяционное прогнозирование дает достаточно точный результат при условии, что прогнозный горизонт не превышает 1/3 анализируемого периода. В нашем случае база для прогноза должна быть не менее 15 лет. Но даже в этом случае нельзя применять экстраполяционное прогнозирование, так как на этот период приходится реформирование органов внутренних дел, в результате которого значения переменных $x_1, x_2, x_3, x_4, x_5 \dots x_n$ претерпели резкие и значительные изменения и по настоящий момент находятся в не-

устойчивом состоянии. По этой же причине для расчета остаточной численности сотрудников ОВД в 2019 г. нельзя использовать средние значения этих величин за последние 5-7 лет, так как разброс значений вокруг средней величины (коэффициент вариации) превышает 30 %.

Наиболее предпочтительным способом расчета в этом случае является медианный подход. Медиана – значение, которое делит распределение пополам: половина значений больше медианы, половина – меньше. Расчет медианы для каждой переменной позволит избежать влияния «тяжелых хвостов» в распределениях этих переменных и получить наиболее достоверную в этих условиях оценку остаточной численности сотрудников (δ) в 2019 г.

Таким образом, определив λ (кадровую потребность в следователях и оперуполномоченных в 2019 г.) и δ (остаточную численность следователей и оперуполномоченных в 2019 г.), по формуле (1) можно определить численность набора курсантов в ОУ МВД России по обозначенным специальностям в 2014 г.

Представленная технология, безусловно, не обладает высокой точностью в условиях, когда любая другая обречена на худший результат.

Литература

1. Гусева Е. Н. Экономико-математическое моделирование: учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2011.
2. Информационные технологии управления: учеб. пособие для вузов / под ред. проф. Г.А. Титоренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
3. Минаев В.А. Кадровые ресурсы органов внутренних дел: современные подходы к управлению: монография. М.: Академия МВД СССР, 1991.

УДК 34.096

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПАМЯТНИКАМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алексей Вячеславович Усов, преподаватель Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассмотрены особенности привлечения к юридической ответственности за причинение вреда памятникам истории и культуры, которая устанавливается нормами административного и уголовного права, поскольку преступления и административные правонарушения посягают на общий для них объект.

Ключевые слова: привлечение к ответственности; юридическая ответственность; памятники истории и культуры; культурное наследие; ущерб памятникам истории и культуры.

FEATURES OF BRINGING TO LEGAL LIABILITY FOR INFLICTION TO MONUMENTS OF HISTORY AND CULTURE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alexei Vyacheslavovich Usov, lecturer of Vladivostok Branch Far Eastern Law
Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The features of bringing to legal liability for infliction to monuments of history and culture are analyzed in the article, that is established by procedures of criminal and administrative laws, because felonies and administrative offences encroach on common object.

Keywords: bringing to liability; legal liability; monuments of history and culture; culture heritage; damage to monuments of history and culture.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденная Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, выделила культуру как стратегический приоритет устойчивого развития страны.

Памятники истории и культуры составляют стержень отечественного культурного наследия, значимость которого поистине уникальна и многогранна. Культурные ценности играют важную роль в воспитании патриотизма и гражданской позиции; позволяют изучать и осознавать тысячелетнюю историю России и ее народов; приобщают людей к пониманию выдающихся достижений художественного искусства; помогают сохранять самобытность и духовную неповторимость народов России в эпоху глобализации; укрепляют государственно-конфессиональные отношения и способствуют улучшению духовно-религиозного климата; положительно влияют на душевное состояние человека; содействуют дружескому диалогу культур; играют важную роль для развития туризма [2, с. 7-9].

На сегодняшний день в едином государственном реестре объектов культурного наследия РФ зарегистрировано 120 902 объекта, в том числе [3]:

- памятники археологии – 25 965;
- памятники архитектуры – 61 747;

- памятники истории – 29 564;
- памятники монументального искусства – 3626

Конституция Российской Федерации в ст. 44 закрепляет, что каждый имеет право на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям и обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Несмотря на это, основными источниками угроз памятникам истории и культуры являются хозяйственная (прежде всего строительная) деятельность, бездействие собственников и иных законных владельцев объектов культурного наследия, активность «черных копателей». По оценкам специалистов, в год Россия теряет до 200 памятников истории и культуры [1, с. 63].

Проблема сохранности культурных ценностей и культурного наследия не может быть успешно решена без применения административно-правовых и уголовно-правовых мер. Уголовно и административно наказуемые деяния в указанной сфере объединены общим для них объектом, который имеет межотраслевой характер и представляет собой общественные отношения, возникающие по поводу создания, воссоздания, использования, владения, распоряжения, сохранения, популяризации и пропаганды памятников истории и культуры.

Прежде всего следует проанализировать особенности привлечения к административной ответственности за нарушение правил обращения с объектами культурного наследия и выявить отличительные черты привлечения к уголовной ответственности за уничтожение и повреждение объектов культурного наследия.

В соответствии с Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» (далее – Закон № 245-ФЗ) были приняты поправки к Федеральному закону от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон № 73-ФЗ), который относит к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации:

- 1) недвижимое имущество (включая объекты археологического наследия);
- 2) связанные с ними произведения живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства;
- 3) объекты науки и техники;
- 4) иные предметы материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Закон № 73-ФЗ подразделяет объекты культурного наследия на три категории: федерального, регионального и муниципального значения, и устанавливает единые правила сохранения и использования объектов культурного наследия независимо от того, к какой категории они относятся (гл. VI-VIII).

Закон № 73-ФЗ подробно раскрывает понятия «объект археологического наследия» (ч. 2 ст. 3), «археологический предмет» (ч. 3 ст. 3), «археологический слой» (ч. 4 ст. 3).

Под объектом археологического наследия понимаются частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах; под археологическими предметами – движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок; под культурным слоем – слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы.

Объединяющим элементом общего объекта преступлений и административных правонарушений в рассматриваемой сфере выступает единый предмет – памятники истории и культуры. В связи с этим возникает вопрос: как отграничить преступление от административного правонарушения, ведь объект, на который они посягают, у них общий?

Преступление, в отличие от правонарушения, всегда будет причинять вред не только объекту, но и предмету уголовно-правовой охраны – памятнику культуры, что выражается во вредных изменениях в нем: уничтожении или повреждении. Другими словами, преступление всегда причиняет материальный ущерб памятнику, что, в свою очередь, является видом материальных последствий преступления.

Важно отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за указанное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной ответственности за это правонарушение юридическое лицо.

Соответственно, поскольку в ст. 243 и 243.1 УК РФ предусмотрена возможность привлечения к административной ответственности, а в ст. 7.13 и 7.14.1 КоАП РФ не исключена возможность привлечения к уголовной ответственности, то за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия возможно как привлечение юридических лиц к административной ответственности, так и ответственных должностных лиц – к уголовной [5].

С 7 августа 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 96-ФЗ, в соответствии с которым существенно усилена административная ответственность за нарушение законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия. Существенно увеличены штрафы за нарушение законодательства об охране объектов культурного наследия. В предыдущей редакции ст. 7.13-7.15 КоАП РФ максимальные штрафы для юридических лиц составили от 30 до 100 тыс. руб., согласно новой редакции этих статей, а также новым статьям (ст. 7.14.1 и 7.14.2 КоАП РФ), указанные штрафы повысились от 1 до 60 млн рублей.

На сегодняшний день Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит ряд статей, посвященных ответственности за нарушение законодательства о памятниках истории и культуры: ст. 7.13 «Нарушение требований сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, их территорий либо несоблюдение ограничений, установленных в границах их зон охраны»; ст. 7.14 «Организация или проведение земляных, строительных или иных работ без разрешения государственного органа охраны объектов культурного наследия»; ст. 7.14.1 «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»; ст. 7.14.2 «Неисполнение обязанности по приостановлению работ в случае обнаружения объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, или работ, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия либо нарушить его целостность и сохранность»; ст. 7.15 «Ведение археологических разведок или раскопок без разрешения»; ст. 7.16 «Незаконное изменение правового режима земельных участков, отнесенных к землям историко-культурного назначения»; ст. 7.33 «Уклонение от передачи обнаруженных в результате археологических полевых работ культурных ценностей на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации».

Проанализируем особенности привлечения к административной ответственности за нарушение правил обращения с объектами культурного наследия на примере ст. 7.15 КоАП РФ.

Объект правонарушений, предусмотренных ст. 7.15 КоАП РФ, – общественные отношения, складывающиеся в области обеспечения сохранности культурного наследия народов Российской Федерации, включая памятники археологии.

Объективная сторона выражается в нарушении установленного порядка проведения археологических разведок и раскопок, может сопровождаться повреждением или уничтожением объекта археологического наследия.

Субъект правонарушений – граждане, должностные и юридические лица, виновные в умышленном несоблюдении установленного порядка проведения разведок и раскопок памятников археологии, а также в повреждении или уничтожении объекта археологического наследия по неосторожности.

Субъективную сторону составляет прямой умысел.

Размер ответственности в значительной степени определяются тем, какие действия (бездействие) совершены в отношении объектов культурного наследия. Особо отметим, что вне зависимости от привлечения к административной или уголовной ответственности лиц, причинивших вред объекту культурного наследия, на них возлагается обязанность возместить стоимость восстановительных работ. Это установлено ст. 61 Закона № 73-ФЗ [4].

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры в рамках следующих статей: ст. 243 «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей»; ст. 243.1 «Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия»; ст. 243.2 «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания»; ст. 243.3 (вступит в силу с 25 июля 2015 г.) «Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере».

Исследуем отличительные черты привлечения к уголовной ответственности за уничтожение и повреждение объектов культурного наследия на примере ст. 243 УК РФ.

После вступления в силу Закона № 245-ФЗ терминология ст. 243 УК РФ («Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры» в старой редакции) была приведена в соответствие с Законом № 73-ФЗ. Теперь в данной статье предусматривается ответственность, в частности, за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России, включенных в единый государственный реестр таких объектов, а также выявленных объектов культурного наследия.

Уточнение формулировки имеет значение для возбуждения дел по ст. 243 УК РФ при наличии признаков уничтожения или повреждения выявленных объектов культурного наследия. Объекты культурного наследия в соответствии с п. 2 ст. 18 Закона № 73-ФЗ считаются выявленными со дня поступления в Минкультуры России или в региональный орган исполнительной власти, уполномоченный в области охраны объектов культурного наследия, необходимых документов. Соответственно, выявленный объект еще не включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Предыдущая редакция ст. 243 УК РФ не позволяла привлекать к ответственности за уничтожение выявленных объектов культурного наследия, поскольку одним из обязательных требований к памятникам истории и культуры было требование об особом правовом статусе таких объектов (они должны быть зарегистрированы и включены в специальный перечень объектов исторического и культурного значения).

Максимальный срок лишения свободы за совершение данного преступления при отсутствии квалифицирующего признака был увеличен с двух до трех лет. Соответственно, указанное преступление по-прежнему относится к категории преступлений небольшой тяжести. Это означает, что для лиц, совершивших такие преступления, уголовным законодательством предусмотрены менее строгие правила уголовного преследования по сравнению с лицами, совершившими преступления большей тяжести. Например, для такой категории преступлений установлены наименьшие сроки давности привлечения к ответственности – два года с момента совершения (п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ). Также при отсутствии отягчающих обстоятельств лицу, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, или преступлений, для которых не установлены альтернативные наказания (ч. 1 ст. 56 УК РФ).

Помимо лишения свободы за совершение данного преступления предусмотрены альтернативные наказания в виде штрафа, обязательных или принудительных работ. Максимальный штраф установлен в размере до 3 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет.

Также претерпели изменение квалифицирующие признаки этого преступления. Теперь повышенная ответственность предусмотрена за уничтожение следующих объектов:

- особо ценных объектов культурного наследия;
- объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия;
- историко-культурных заповедников или музеев-заповедников;
- объектов археологического наследия, включенных в Реестр;
- выявленных объектов археологического наследия.

Предыдущая редакция ч. 2 ст. 243 УК РФ была более краткой: квалифицирующими признаками преступления считались особо ценные объекты или памятники общероссийского значения.

Среди новых объектов, выступающих в качестве квалифицирующих признаков рассматриваемого преступления, особое внимание стоит обратить на выявленные объекты археологического наследия, поскольку они могут быть обнаружены любыми участниками хозяйственной деятельности в рамках осуществления работ по строительству или реконструкции объектов недвижимости.

В отличие от других объектов культурного наследия, объект археологического наследия считается выявленным со дня обнаружения (п. 6 ст. 18 Закона № 73-ФЗ). Исполнители земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ обязаны немедленно приостановить работы в случае обнаружения объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, и уведомить об обнаруженном объекте региональный орган исполнительной власти, уполномоченный в области охраны объектов культурного наследия (п. 1 ст. 37 Закона № 73-ФЗ).

Таким образом, в соответствии с новой редакцией ч. 2 ст. 243 УК РФ исполнитель работ может быть привлечен к уголовной ответственности за уничтожение или повреждение объекта археологического наследия, если не исполнит обязанность по приостановлению работ.

Максимальный срок лишения свободы за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия, перечисленных в ч. 2 ст. 243 УК РФ, составляет пять лет, и такие преступления уже относятся к преступлениям средней тяжести. Для преступлений

средней тяжести срок привлечения к уголовной ответственности равен шести годам с момента совершения преступления (п. «б» ч. 1 ст. 78 УК РФ). В отношении данных преступлений нет запрета назначения наказания в виде лишения свободы при отсутствии отягчающих обстоятельств. Однако лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от наказания в связи с деятельным раскаянием, для чего ему необходимо явиться с повинной, способствовать раскрытию и расследованию преступления и возместить причиненный ущерб или иным образом загладить вред (ст. 75 УК РФ).

Помимо лишения свободы за совершение данного преступления предусмотрены альтернативные наказания в виде штрафа, обязательных или принудительных работ. Максимальный штраф установлен в размере до 5 млн руб. или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до пяти лет.

Нарушение требований сохранения и использования объектов культурного наследия, повлекшее их уничтожение или повреждение в крупном размере, теперь является уголовно наказуемым деянием. В том случае, когда повреждение объекта не может быть квалифицировано как повреждение в крупном размере, виновное лицо нельзя будет привлечь к уголовной ответственности, однако возможно его привлечение к административной ответственности (ст. 7.13 КоАП РФ).

Таким образом, уголовная ответственность теперь предусмотрена не только за умышленное, но также и за неосторожное причинение вреда объектам культурного наследия.

За совершение данного преступления предусматривается несколько альтернативных наказаний, в том числе штраф до 1 млн руб. или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до двух лет, а также лишение свободы на срок до двух лет [6].

Объект преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, – общественные отношения в области сохранения уникальных исторических, культурных и других памятников, обладающих особым правовым статусом, а также их целостности.

Объективная сторона преступления включает действия по уничтожению или повреждению памятников истории, культуры либо природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, либо предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность.

Согласно конструкции рассматриваемой статьи, для того чтобы привлечь к уголовной ответственности, не требуется наступления вредных последствий, однако совершаемые действия по своему содержанию и направленности состоят именно в причинении вреда защищаемым объектам.

Уничтожение – истребление, ликвидация, разрушение и иные действия, которые приводят к полному прекращению существования объекта. Может выразиться в форме поджога, взрыва или иного воздействия из числа механических разрушений.

Повреждение – трансформация состояния защищаемого объекта, в результате которой происходит частичная утрата его целостности либо иных свойств.

Преступление является оконченным в момент совершения действий, входящих в объективную сторону преступления.

Субъект преступления – лицо, достигшее 16 лет.

Субъективная сторона характеризуется прямым или косвенным умыслом.

Определенные сложности возникают при разграничении смежных составов с рассматриваемым преступлением. Необходимо отграничивать преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 243 УК РФ (уничтожение или повреждение особо ценных объектов или памятников общероссийского значения), от преступного деяния, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ (хищение предметов, имеющих особую ценность, повлекшее их уничтожение, порчу или разрушение). Данные преступления имеют один и тот же предмет преступного посягательства, схожую объективную сторону, поэтому при ква-

лификации особое внимание следует обращать на мотив и цель содеянного. Для хищения особо ценных предметов и документов характерны корыстные мотивы. Цель состоит в завладении предметом преступного посягательства, а его уничтожение, порча или повреждение обычно не охватывается умыслом преступника, являясь лишь последствием его действий.

Трудности возникают при разграничении рассматриваемого преступления (ст. 243 УК РФ) с умышленным уничтожением или повреждением чужого имущества (ст. 167); вандализмом (ст. 214); надругательством над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244); уничтожением или повреждением лесных насаждений (ст. 261); нарушением режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262) [6, с. 99].

Необходимо особо отметить то, что преступления в отношении недвижимых памятников и вообще культурных ценностей могут квалифицироваться и по другим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. Наиболее удачно это иллюстрирует статья 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны». Это преступление относится к группе военных преступлений, которые, в свою очередь, отнесены к преступлениям против мира и безопасности человечества. В качестве примера военного преступления выступает разграбление национального имущества на оккупированной территории [1, с. 63].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

В настоящее время значительно расширился понятийный аппарат в законодательстве, регулирующем охрану культурного наследия, что позволяет правильно квалифицировать действия или бездействие лиц, производимые в отношении памятников истории и культуры Российской Федерации.

Проблема сохранности культурных ценностей и культурного наследия на современном этапе развития государства не может быть эффективно решена без применения уголовно-правовых и административно-правовых мер.

Среди особенностей привлечения к юридической ответственности за причинение вреда памятникам истории и культуры в Российской Федерации необходимо выделить следующие:

1. Объединяющим элементом общего объекта для рассматриваемых преступлений и административных правонарушений выступает единый предмет – памятники истории и культуры.

2. Преступление, в отличие от правонарушения, всегда будет причинять вред не только объекту, но и предмету уголовно-правовой охраны – памятнику истории и культуры, что выражается во вредных изменениях в нем: уничтожении или повреждении. Преступление всегда причиняет материальный ущерб памятнику, что, в свою очередь, является видом материальных последствий преступления.

3. Уголовная ответственность предусмотрена не только за умышленное, но также и за неосторожное причинение вреда объектам культурного наследия. Существуют определенные сложности при разграничении смежных со ст. 243 УК РФ составов.

4. Если повреждение объекта не может быть квалифицировано как повреждение в крупном размере, виновное лицо нельзя будет привлечь к уголовной ответственности, однако возможно его привлечение к административной ответственности.

5. Административная ответственность предусмотрена за нарушение требований сохранения, использования и государственной охраны любых объектов культурного наследия народов Российской Федерации, а не только объектов федерального значения.

Литература

1. Клебанов Л.Р. О юридической ответственности за причинение вреда памятникам истории и культуры // Журнал российского права. 2012. № 3 (183). С. 63-69.
2. Клебанов Л.Р. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана / под науч. ред. А.В. Наумова. М.: Норма, 2012. 176 с.
3. Памятники истории и культуры Российской Федерации. Объекты культурного наследия – [Электронный ресурс] // ФГУП «Главный информационно-вычислительный центр Минкультуры России». URL: <http://www.pulsar-t.ru/index.php?id=568> (дата обращения: 10.01.2014).
4. Существенно усилена ответственность за нарушение правил обращения с объектами культурного наследия – [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: еженедельные комментарии – документы, проекты, события. Вып. от 14.08.2013. URL: <http://www.pulsar-t.ru/index.php?id=556> (дата обращения: 05.01.2014).
5. Ужесточается ответственность за уничтожение и повреждение объектов культурного наследия – [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: еженедельные комментарии – документы, проекты, события. Вып. от 28.08.2013. URL: <http://www.pulsar-t.ru/index.php?id=568> (дата обращения: 05.01.2014).
6. Шалагин А.Е. Уголовно-правовая защита памятников истории и культуры в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4 (10). С. 96-101.

УДК 346.62

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Светлана Андреевна Полякова, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

В статье речь идет о бюджетном законодательстве, регулирующем порядок привлечения к ответственности за совершение бюджетных правонарушений. Автором предпринята попытка смоделировать развитие бюджетного законодательства, регулирующего правоотношения в данной сфере.

Ключевые слова: бюджетное законодательство; бюджетное правонарушение; участники бюджетного процесса; бюджетно-правовая санкция; меры бюджетного принуждения.

ABOUT PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF BUDGETARY LEGISLATION

Svetlana Andreevna Polyakova, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

In article it is a question of the budgetary legislation regulating an order of accountability for commission of the budgetary offenses. The author made an attempt to simulate development of the budgetary legislation regulating legal relationship in this sphere.

Keywords: budgetary offense; participants of the budgetary process; budgetary legislation; budgetary-law sanction; budgetary enforcement measures.

В свете существующих политических, экономических, криминогенных и других проблем, связанных с функционированием Российского государства в современный период, совершенствование механизма защиты его интересов в финансово-кредитной

сфере является одним из главных вопросов, подлежащих решению. Это предполагает реформирование финансового законодательства, в том числе бюджетного.

Федеральный закон «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23 июля 2013 г. № 252-ФЗ существенно изменил действующую редакцию ч. IV Бюджетного кодекса РФ и положил конец многочисленным спорам по поводу устаревших, бланкетных и отсылочных норм гл. 28 (ныне признанной утратившей силу).

Вместе с тем некоторые вопросы все-таки остались нерешенными. Например, в анализируемом нормативном правовом акте отсутствует дефиниция «бюджетное правонарушение», вместо нее законодатель использует более нейтральное понятие «бюджетное нарушение». Отсюда позиция законодателя и мнения ученых расходятся.

Наиболее часто встречается точка зрения [1; 2], признающая бюджетное правонарушение в качестве самостоятельного вида. В связи с этим Н.А. Поветкина [7, с. 18] отмечает, что основанием для привлечения к бюджетной ответственности является нарушение бюджетного законодательства (бюджетное правонарушение).

Ее поддерживает Э.С. Карпов, уверенный, что бюджетному правонарушению присущи все признаки самостоятельности, которые позволяют утверждать, что совершение такого правонарушения влечет за собой бюджетную ответственность [4, с. 92].

Не оспаривая в целом эти тезисы, отметим, что есть и другие идеи. Суть их заключается в том, что «бюджетное правонарушение» охватывается понятием «финансовое правонарушение». Так, по мнению М. Б. Разгильдиевой, термином «финансово-правовая ответственность» обозначается система различных ее подвидов: налоговая ответственность, бюджетная, финансовая ответственность в сфере банковской деятельности, финансовая ответственность в сфере обязательного социального страхования, которая наступает за совершение финансового правонарушения (а не бюджетного, налогового и т.д.). Автор считает, что критерием, позволяющим объединить перечисленные виды правонарушений, является то, что все они существуют в рамках одной самостоятельной отрасли права – финансового права [10, с. 173-182].

В противовес изложенной концепции существует и диаметрально противоположная концепция. Так, представители науки административного права [8; 9] утверждают, что за нарушение бюджетного законодательства наступает только административная ответственность, предусмотренная нормами Кодекса РФ об административных правонарушениях. Основанием ее наступления является административное правонарушение. Рассуждая таким образом, они предлагают законодателю внести изменения и дополнения, направленные на консолидирование всех составов административных правонарушений в области бюджета в едином нормативном правовом акте – в Кодексе РФ об административных правонарушениях. Это, по их мнению, позволит сформировать единый институт административной ответственности за нарушение бюджетного законодательства.

Отчасти возразим авторам и более детально проанализируем нормы Бюджетного кодекса РФ.

К сожалению, в нем обозначен лишь один признак бюджетного правонарушения – противоправность, что, на наш взгляд, не позволяет выделить его в качестве самостоятельного вида. Вместе с тем категорически отрицать существование бюджетного правонарушения нельзя хотя бы потому, что имеется такой кодифицированный нормативный правовой акт, их закрепляющий, как Бюджетный кодекс РФ.

За совершение бюджетных правонарушений действующим законодательством устанавливаются меры принуждения, которые можно считать довольно специфическими санкциями. Согласно ст. 306.2 Бюджетного кодекса РФ, к ним можно отнести бесспорное взыскание суммы средств, предоставленных из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации; бесспорное взыскание суммы платы за пользование средствами, предоставленными

ми из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации; приостановление (сокращение) предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций) и др.

Интересно, что некоторые исследователи [1, с. 44] ставят знак равенства между бюджетным правонарушением и бюджетным нарушением. Мы не можем согласиться с данной научной позицией, поскольку она не в полной мере отражает особенности предусмотренных в Бюджетном кодексе РФ деяний. Совершая их, лицо нарушает нормы права, регулирующие бюджетные правоотношения, т.е. совершает бюджетные правонарушения. К тому же в контексте ст. 306.1 Бюджетного кодекса РФ говорится о деянии, совершенном в нарушение норм права, – о «бюджетном правонарушении», а не о «бюджетном нарушении».

Примерно такой же точки зрения придерживается и С.Г. Зубанова, которая утверждает, что нарушение норм права – это правонарушение. Совершить правонарушение – это значит нарушить право [3]. К тому же, на наш взгляд, по такому же пути идет правоприменительная практика. Поэтому во избежание ошибок при правоприменении необходимо изменить название ст. 306.1 Бюджетного кодекса РФ «Понятие бюджетного нарушения» на «Понятие бюджетного правонарушения». Такая редакция будет более полно отражать специфику противоправного деяния, характеризуемого в ч. 1 рассматриваемой статьи, и развивать научные положения. В связи с этим можно поддержать С.В. Кучерова, который считает, что легальное закрепление термина «бюджетное правонарушение» должно способствовать укреплению более широкого понимания данного понятия в теории [5].

Обладая признаками, общими для правонарушений (противоправность, вредность, виновность и т.д.), бюджетное правонарушение характеризуется и отличительными чертами, которые не выделяют среди других правонарушений. Эта специфика предопределена особенной сферой, а именно бюджетной, а понятие, закрепленное в ч. 1 ст. 306 Бюджетного кодекса РФ, по нашему мнению, ее отражает не в полной мере.

Согласно закону, бюджетное правонарушение (нарушение) – это всегда действие (бездействие) финансового органа, главного распорядителя бюджетных средств, распорядителя бюджетных средств, получателя бюджетных средств, главного администратора доходов бюджета, главного администратора источников финансирования дефицита бюджета, нарушающее нормы права.

В статье 306.1 законодатель делает акцент на противоправности, поскольку правонарушение – это деяние, «совершенное в нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, и договоров (соглашений), на основании которых предоставляются средства из бюджета бюджетной системы Российской Федерации...».

К сожалению, в определении, сформулированном законодателем, отсутствует признак виновности. Вместе с тем наличие его как обязательного элемента можно выделить на основании анализа содержащихся в Бюджетном кодексе РФ составов правонарушений (ст. 306.4-306.8). Это позволяет сделать вывод о необходимости его закрепления на законодательном уровне в ст. 306.1.

Признак общественной опасности также является неотъемлемым элементом бюджетных правонарушений. Он определяется бюджетной публичной сферой, имеющей для государства большое значение. Совершение бюджетных правонарушений всегда опасно для общества и государства и влечет негативные последствия, которые должны быть наказуемы.

Наказуемость как свойство, характеризующее бюджетное правонарушение, реализуется через нормы, закрепленные гл. 30 Бюджетного кодекса РФ. Они предусматривают применение к нарушителям бюджетно-правовых санкций.

На основании изложенного выше сформулируем следующие выводы.

Во-первых, бюджетное правонарушение является разновидностью финансового правонарушения, т.е. оно совершается в сфере, касающейся финансовой деятельности государства (Российской Федерации и субъектов РФ) и муниципальных образований.

Во-вторых, оно может быть установлено только нормами Бюджетного кодекса РФ, и за его совершение к виновному лицу применяются меры принуждения, предусмотренные этим нормативным правовым актом.

В-третьих, за его совершение к нарушителям применяются специфические меры бюджетного принуждения. К ним относятся бесспорное взыскание суммы средств, предоставленных из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации; бесспорное взыскание суммы платы за пользование средствами, предоставленными из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации; бесспорное взыскание пеней за несвоевременный возврат средств бюджета; приостановление (сокращение) предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций) и другие (ст. 306.2).

Исходя из этого, можно предложить следующее определение бюджетного правонарушения. Бюджетное правонарушение – это разновидность финансового правонарушения, которое представляет собой виновно совершенное противоправное общественно вредное действие (или бездействие), за совершение которого бюджетным законодательством установлены бюджетные меры принуждения.

Бюджетное правонарушение имеет свой состав. Он представляет собой совокупность предусмотренных бюджетно-правовыми нормами элементов, при наличии которых данное противоправное деяние признается бюджетным правонарушением. К ним относятся субъект правонарушения, объект правонарушения, субъективная сторона правонарушения и объективная сторона правонарушения.

Объектом бюджетного правонарушения являются охраняемые бюджетным законодательством общественные отношения, складывающиеся в процессе бюджетной деятельности. Так, например, объектом правонарушения, предусмотренного ст. 306.4 Бюджетного кодекса РФ, являются общественные отношения в сфере бюджетного финансирования.

Объективная сторона бюджетного правонарушения – это совокупность признаков противоправного деяния (действия или бездействия), закрепленных бюджетно-правовыми нормами и характеризующих внешнее проявление бюджетного правонарушения в реальной действительности. Так, объективная сторона правонарушения, предусмотренного в ст. 306.4 Бюджетного кодекса РФ, состоит в том, что виновный направляет средства бюджета бюджетной системы Российской Федерации и производит оплату денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной росписью, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо иным документом, являющимся правовым основанием предоставления указанных средств.

Субъект бюджетного правонарушения – это лицо, его совершившее, в отношении которого применяются меры государственного принуждения.

Говоря о субъектах, необходимо отметить, что в научной литературе существует несколько точек зрения о том, кто в качестве таковых может признаваться. Основанием для появления разночтений послужило толкование норм ранее действовавшей гл. 28 Бюджетного кодекса РФ.

Так, Э.С. Карпов [4] отмечает, что по смыслу Бюджетного кодекса РФ субъектом бюджетного правонарушения может быть только юридическое лицо. При этом должностные лица, виновные в указанных правонарушениях, при наличии оснований могут быть привлечены к административной или уголовной ответственности.

Ф.В. Маркелов предлагает целый перечень субъектов бюджетного правонарушения: государство; органы государственной власти и местного самоуправления; органи-

зации (бюджетные учреждения, государственные и муниципальные унитарные предприятия, «частные» организации, Банк России и кредитные организации); физические лица [6, с. 176].

Однако с внесением вышеобозначенных изменений в ч. IV Бюджетного кодекса РФ законодатель разрешил существующую научную дискуссию и в ч. 1 ст. 306.1 установил исчерпывающий перечень субъектов. Субъектами, совершившими бюджетные правонарушения, могут признаваться только финансовый орган, главный распорядитель бюджетных средств, распорядитель бюджетных средств, получатель бюджетных средств, главный администратор доходов бюджета, главный администратор источников финансирования дефицита бюджета.

Вместе с тем, внесенные изменения, на наш взгляд, могут помешать установившейся практике. И, что очень важно, не будут отражать сегодняшнего развития общественных отношений в этой сфере. Отсюда, предлагаем в названной статье обойтись формулировкой «участники бюджетного процесса».

Анализ ч. 2 ст. 306.1 Бюджетного кодекса РФ свидетельствует о том, что участники бюджетного процесса не могут нести ответственность, установленную Кодексом РФ об административных правонарушениях (ст. 15.14-15.16), а также Уголовным кодексом РФ (например, ст. 285.1 и др.). Это вытекает из того, что только лицо, не являющееся участником бюджетного процесса, может быть привлечено к ответственности, согласно законодательству Российской Федерации, за действие (бездействие), нарушающее бюджетное законодательство Российской Федерации, иные нормативные правовые акты, регулирующие бюджетные правоотношения.

Таким образом, на сегодняшний день законодателем исключены такие субъекты, как участники бюджетного процесса, в отношении которых установлена ответственность нормами административного законодательства. Если исходить из буквального толкования ч. 2 ст. 306.1, таких субъектов нельзя привлечь к юридической ответственности, за исключением должностных лиц (ч. 3 ст. 306.1 БК РФ).

Однако субъектами правонарушений, помимо должностных лиц, могут быть и юридические лица, являющиеся участниками бюджетного процесса (например, получатели бюджетных средств), которых в соответствии с ч. 2 ст. 306.1 БК РФ нельзя привлечь к административной ответственности. Такое правовое регулирование, по нашему мнению, создает предпосылки для некоторых злоупотреблений со стороны оставшихся «освобожденными» от ответственности юридических лиц. Поэтому часть 2 ст. 306.1 БК РФ требует доработки.

Кроме того, дальнейший анализ норм Бюджетного кодекса РФ показывает, что часть 7 ст. 306.2 «Бюджетные меры принуждения» предусматривает возможность наряду с применением бюджетных мер принуждения применение и других мер ответственности в случаях, предусмотренных законодательством РФ. Следовательно, налицо противоречие, которое подтверждает, что участники бюджетного процесса тоже могут быть привлечены к юридической ответственности. По нашему мнению, его можно устранить путем внесения изменений в ч. 2 ст. 306.1 Бюджетного кодекса РФ, изложив ее в следующей редакции: «Действие (бездействие), нарушающее бюджетное законодательство Российской Федерации, иные нормативные правовые акты, регулирующие бюджетные правоотношения, совершенное лицом, являющимся участником бюджетного процесса, влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Субъективная сторона бюджетного правонарушения – это психическое отношение правонарушителя к совершенному им деянию и его последствиям. Согласно законодательству, вина может быть умышленной или неосторожной. Следовательно, бюджетное правонарушение может быть совершено умышленно или по неосторожности.

Каждый из исследуемых нами элементов бюджетного правонарушения является обязательным. При отсутствии хотя бы одного из них деяние не может быть признано бюджетным правонарушением.

В дополнение к изложенному можно указать на то, что установленные ч. 2 ст. 1 правовые основы порядка и условий привлечения к ответственности за нарушение бюджетного законодательства не нашли в полной мере своего отражения в гл. 29 и 30 Бюджетного кодекса РФ. Поэтому представляется целесообразным гл. 29 «Общие положения о бюджетных нарушениях и применении бюджетных мер принуждения» дополнить положениями:

1) об общих условиях применения бюджетных мер принуждения за совершение бюджетного правонарушения;

2) об обстоятельствах, исключающих применение к лицу бюджетных мер принуждения за совершение бюджетного правонарушения;

3) о формах вины при совершении бюджетного правонарушения и др.

После этого правила поведения участников бюджетного процесса будут выражены следующим образом:

«Статья 306.2.1. Общие условия применения мер бюджетного принуждения за совершение бюджетного правонарушения

1. К участникам бюджетного процесса не могут быть применены бюджетные меры принуждения за совершение бюджетного правонарушения иначе, как по основаниям и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом.

2. К участникам бюджетного процесса не могут быть применены повторно бюджетные меры принуждения за совершение одного и того же бюджетного правонарушения.

3. Основанием для применения к участнику бюджетного процесса бюджетных мер принуждения за совершение бюджетного правонарушения является установление факта совершения данного правонарушения решением уполномоченного государственного органа, вступившим в законную силу.

4. Участник бюджетного процесса считается невиновным в совершении бюджетного правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Участник, к которому применяются бюджетные меры принуждения, не обязан доказывать свою невиновность в совершении бюджетного правонарушения. Неустранимые сомнения в виновности участника бюджетного процесса, толкуются в пользу этого участника»;

«Статья 306.2.2. Обстоятельства, исключающие применение бюджетных мер принуждения за совершение бюджетного правонарушения

К участнику бюджетного процесса не могут быть применены бюджетные меры принуждения за совершение бюджетного правонарушения при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств:

1) отсутствие события бюджетного правонарушения;

2) отсутствие вины участника бюджетного процесса в совершении бюджетного правонарушения»;

«Статья 306.2.3. Формы вины при совершении бюджетного правонарушения

1. Виновным в совершении бюджетного правонарушения признается участник бюджетного процесса, совершивший противоправное деяние умышленно или по неосторожности.

2. Бюджетное правонарушение признается совершенным умышленно, если участник бюджетного процесса, его совершивший, осознавал противоправный характер своих действий (бездействия), желал либо сознательно допускал наступление вредных последствий таких действий (бездействия).

3. Бюджетное правонарушение признается совершенным по неосторожности, если участник бюджетного процесса, его совершивший, не осознавал противоправного ха-

рактера своих действий (бездействия) либо вредного характера последствий, возникших вследствие этих действий (бездействия), хотя должен был и мог это осознавать.

4. Вина участника бюджетного процесса в совершении бюджетного правонарушения определяется в зависимости от вины его должностных лиц либо его представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного бюджетного правонарушения».

Внесение вышеназванных изменений, на наш взгляд, будет способствовать дальнейшему развитию бюджетного законодательства, единообразному пониманию и толкованию норм Бюджетного кодекса РФ и, как следствие, эффективному применению их в практической деятельности органов, уполномоченных рассматривать дела о бюджетных правонарушениях.

Литература

1. Гейхман О.М. Бюджетное правонарушение: понятие и особенности квалификации отдельных составов // Финансовое право. 2004. № 4. С. 42-45.
2. Емельянова Е.С. Бюджетное правонарушение и бюджетная ответственность: понятие и основные черты // Финансовое право. 2004. № 2. С. 23-26.
3. Зубанова С.Г. Теория государства и права: электронный учеб. М.: Институт экономики и права. URL: <http://www.be5.biz/pravo/tzsg/toc.htm>
4. Карпов Э.С. К вопросу о самостоятельности бюджетной ответственности // Современная юриспруденция: тенденции развития: сб. мат-лов междунар. заочной науч.-практ. конф. Новосибирск, 2012. С. 90-97.
5. Кучеров С.В. Проблемы правовой идентификации нарушений бюджетного законодательства // Финансовое право. 2010. № 11. С. 2-5.
6. Маркелов Ф.В. Теоретические проблемы ответственности за нарушения бюджетного законодательства: финансово-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
7. Поветкина Н.А. Проблемы правового обеспечения бюджетной ответственности // Финансовое право. 2003. № 4. С. 18-21.
8. Привезенцев В. Ответственность за нарушение финансово-бюджетного законодательства // Образовательное право. 2008. № 11. С. 3-6.
9. Салищева Н.Г. О некоторых тенденциях развития законодательства об административной ответственности в России в современный период // Административное право и процесс. 2009. № 5. С. 5-12.
10. Финансовое право: учеб. / отв. ред. Н.И. Химичева. М.: Норма, 2008.

УДК 343.985

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ

Алексей Владимирович Черкашин, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

Автор в статье раскрывает понятие и сущность оперативно-розыскной характеристики, ее основные элементы и их значение в противодействии оперативных аппаратов органов внутренних дел преступлениям сексуального характера в отношении малолетних.

Ключевые слова: оперативно-розыскная характеристика; личность преступника; способы совершения преступлений; личность потерпевшего; причины и условия совершения преступлений; преступления сексуального характера.

THE MEANING AND THE ESSENS OF OPERATIVE AND INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF VIOLENT SEXUAL OFFENSES AGAINST MINORS

Alexey Vladimirovitch Cherkashin, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The author of article reveals the concept and the idea of operative and investigative characteristics, its basic elements and meaning in counteraction of operative units of internal affairs agencies to the crimes category under research.

Keywords: operative and investigative characteristics; personality of criminal; methods of committing crime; personality of victim; causes and circumstances of the crimes; sexual offenses.

Характеризуя преступления с позиции теории оперативно-розыскной деятельности, обычно приходится оперировать такими понятиями, как «оперативная обстановка», «оперативно-тактическая характеристика», «оперативно-розыскная характеристика».

Оперативно-розыскная характеристика должна содержать определенные элементы, соответствующие ее целям. Однако в научной литературе не существует единого мнения о том, что такое оперативная обстановка, оперативно-тактическая, или оперативно-розыскная характеристика преступлений. Более того, в научных работах нет единого взгляда и на то, какое понятие лучше передает специфику оперативно-розыскной деятельности. Большинство авторов вообще считают, что эти понятия полностью совпадают и представляют собой абстрагирование, обобщение сведений о противоправном поведении и выделении за счет этого закономерностей и тенденций, знание и учет которых в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий способствуют более эффективному решению задач борьбы с преступностью [1; 3; 4].

Тем не менее, обратим внимание на общепризнанные положения, которые определили последовательность и структуру дальнейшего изложения материалов данной статьи.

Наука оперативно-розыскной деятельности изучает преступность с точки зрения выявления обстоятельств, оказывающих непосредственное или опосредованное влияние на организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности по предупреждению и раскрытию преступлений.

Необходимо отметить, что любая научная дисциплина, изучающая преступность и преступления, определяет наименование характеристики исходя из названия своего собственного предмета. Наука уголовного права называет ее уголовно-правовой характеристикой и выделяет его состав, структуру, определяет систему преступлений, виды и меры наказания [10, с. 4-6]. Криминология называет криминологической характеристикой и обращает внимание на природу преступности, причины, личность преступника и потерпевшего и т.д. [7, с.18-20]. Криминалистика называет криминалистической характеристикой и исследует преступление с точки зрения способов совершения, описания орудий совершения преступления, методов расследования и т.д. [6, с. 3-6]. Представляется, что в теории оперативно-розыскной деятельности следует говорить об оперативно-розыскной характеристике преступлений, так как предмету данной науки свойственны собственные признаки, которые описывают преступления с несколько иной стороны. Раскроем более подробно указанную позицию.

На наш взгляд, перспективным путем определения содержания оперативно-розыскной характеристики преступлений является установление ее элементов. При определении этих элементов следует учитывать то обстоятельство, что «система сведений, составляющих содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений,

не может быть представлена универсальной и статистической структурой, пригодной для всех видов преступлений и абсолютной во временном отношении» [9, с. 14]. Одновременно, конкретизация оперативно-розыскной характеристики не должна суживаться до уровня отдельного преступления. На уровне отдельного преступления правомернее говорить о конкретной оперативно-тактической ситуации, содержание которой, наряду с другими факторами, определяется и обстоятельствами совершения преступления.

Ученые, представляющие различные отрасли юриспруденции, выделяют определенные группы элементов, характеризующих изучаемые преступления. Так, Р.С. Белкин, характеризуя преступления с позиции криминалистов, включал в перечень элементов характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступлений, о личности вероятного преступника и вероятных мотивах преступления, о личности типичной жертвы преступления, о месте, времени и способе совершения преступления [2, с. 179].

Похожий подход использует Ю.М. Худяков. По его мнению, содержание, но уже оперативно-розыскной характеристики преступлений, составляют следующие элементы:

- преступление и его общественная опасность;
- способы приготовления к преступлению;
- способы совершения преступления;
- личность преступника;
- поведение преступника после совершения преступления [11, с. 46].

Подобную позицию занимают подавляющее большинство ученых в области криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. В нашу задачу не входит освещение различных мнений по этой проблеме, заметим лишь, что многие авторы, исследуя оперативно-розыскную характеристику конкретных видов преступлений, останавливаются на тех ее элементах, которые оказывают наиболее существенное влияние на выбор сил и средств ОРД для их более эффективного предупреждения и раскрытия.

Незначительное отличие во мнениях авторов при характеристике преступлений заключается в вариации терминов более узкой направленности, когда описываются тактические ситуации. Сходство взглядов ученых можно объяснить тем, что объектом изучения являются преступления, а целью – разработка рекомендаций по их раскрытию, ведь своевременное получение, тщательный анализ и обобщение характеризующей информации создают соответствующие предпосылки для более эффективной организации и тактики раскрытия преступлений.

Отмечая особенности оперативно-розыскной деятельности как науки, не стоит забывать, что ей свойственны негласные формы и методы, которые не изучаются такими науками, как криминалистика, криминология, уголовное право и т.д. Соответственно, данное обстоятельство определенным образом влияет и на специфику, и на перечень элементов, раскрывающих сущность оперативно-розыскной характеристики.

Опираясь на вышесказанное, признавая необходимость рассмотрения приведенных характеризующих элементов, под оперативно-розыскной характеристикой насильственных сексуальных преступлений в отношении малолетних следует понимать совокупность уголовно-правовых, криминалистических, криминологических, психологических, социологических и иных связанных между собой информационных составляющих гласного и негласного характера, имеющих значение для разработки комплекса приемов, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, применение которых способствует более эффективному предупреждению и раскрытию рассматриваемых преступлений.

Комментируя данное понятие, необходимо отметить, что вышеперечисленные аспекты указанных наук лишь учитываются при изучении преступления, а не полностью составляют сущность оперативно-розыскной характеристики, так как ОРД имеет прикладной, обеспечивающий характер. И если не учитывать потребности уголовного

права, уголовного процесса, криминалистики, то результаты оперативной деятельности станут бесполезны.

Из множества структурных элементов оперативно-розыскной характеристики представляется целесообразным рассмотреть те из них, которые, по нашему мнению, позволят более последовательно и глубоко изучить проблемы организации и тактики раскрытия подразделениями уголовного розыска насильственных сексуальных преступлений в отношении малолетних.

В качестве главных, по нашему мнению, элементов оперативно-розыскной характеристики, применительно к предмету исследования, целесообразно рассматривать характеристику лиц, совершивших противоправное деяние; способ совершения преступления; причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и личность потерпевших.

Такой подход будет способствовать, на наш взгляд, более четкому пониманию значения оперативно-розыскной характеристики насильственных сексуальных преступлений в отношении малолетних для решения задач ОРД, а также уяснению элементов, входящих в ее структуру.

Одним из основных, довольно значимых элементов оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с совершением сексуального насилия в отношении малолетних, является характеристика личности преступника. Такое значение ему придается потому, что указанный элемент непосредственно связан с решением задачи установления лица, совершившего преступление.

Проведенный анализ уголовных дел позволил выявить следующую закономерность: сексуальные преступления против несовершеннолетних совершались в 86 % случаев лицами мужского пола и лишь в 14 % случаев – лицами женского пола. Примерно такие же данные получены нами и при исследовании уголовных дел и материалов, представленных для проведения судебно-психиатрических экспертиз по лицам, совершившим сексуальные преступления против несовершеннолетних: 84 % – мужчины и 16 % – женщины.

Кроме того, была определена следующая возрастная группа преступников, совершающих сексуальные посягательства в отношении малолетних. В частности, наиболее активная возрастная категория в совершении сексуальных преступлений против несовершеннолетних представлена возрастом от 25 до 45 лет, что подтверждается результатами исследований и других ученых [5, с. 361-367].

Наибольший процент осужденных за сексуальные преступления составляют судимые неоднократно (55,3 %), в том числе рецидивы по сексуальным преступлениям отмечены у 76 преступников из 680, 129 человек совершили преступления с отягчающими обстоятельствами (нанесение тяжких телесных повреждений, в том числе приведших к смерти потерпевших; убийство потерпевших).

Описательные границы личности сексуального преступника достаточно широки. Важно подчеркнуть, что личность преступника обладает специфически деформированной структурой, влияющей на способ реализации мотива. С позиции мотивации субъектов рассматриваемых преступлений можно условно классифицировать на следующие группы:

Для первой группы субъектов преступления решающее значение имеет искаженное самоуважение, которое рассматривается как следствие нарушенной психической идентификации с традиционно понимаемой величественной мужской ролью, неотразимыми мужскими качествами.

Для второй группы мотивом совершения преступлений является стремление утвердить себя по отношению к товарищам.

Для третьей группы характерна патологическая потребность в насилии, причем сексуальным объектом удовлетворения половой потребности они видят только малолетних.

Для четвертой группы мотивом совершения преступления явилось преодоление психологического комплекса или разрушение навязчивой идеи (попытка избавиться от комплекса неполноценности, вызванного действительной или мнимой импотенцией; систематические неудачи в общении с представителями противоположного пола и т.д.).

Изучая преступников, совершивших сексуальное насилие в отношении детей, можно подметить тенденцию к серийности. Учитывая довольно высокий уровень латентности преступлений данной категории, можно с уверенностью сказать, что данное обстоятельство является благоприятной почвой для совершения повторных преступлений, ибо давно научно подтверждено: безнаказанность порождает количество преступлений.

Необходимо осветить и некоторые поведенческие особенности личности преступника с позиции психиатрии. Изучение актов психолого-психиатрических экспертиз показало, что в большинстве случаев у сексуальных насильников отмечаются признаки органического поражения головного мозга сложного генеза, остаточные явления поражения мозга с различными отклонениями. Это обусловлено внешними отрицательными воздействиями, при которых возникающие в подкорковой части головного мозга микроразрушения оказывают значительное специфическое влияние на поведение человека. В результате возникает и обретает устойчивое существование связь между органическими психическими расстройствами и сексуальными нарушениями [8, с. 13].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в большинстве случаев преступления изучаемой категории совершают мужчины в возрасте 25-45 лет, как правило, ранее судимые, поведение которых довольно специфично в части мотивационных составляющих. Для данных преступлений и лиц, их совершающих, характерна тенденция к серийности.

Еще одним из немаловажных элементов характеристики преступлений, связанных с сексуальным насилием в отношении малолетних, является способ их совершения. Авторы, исследовавшие проблему способа совершения преступления, практически едины во мнении о том, что способ совершения преступления – это совокупность взаимосвязанных актов поведения, что он содержит качественную характеристику преступного деяния и что в нем отражаются некоторые свойства личности [3, с. 34].

Опираясь на сказанное, можно сделать вывод, что способ совершения преступлений, связанных с сексуальным насилием в отношении малолетних, – это система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и свойствами личности.

Изучение данного аспекта имеет важное теоретическое и практическое значение. Способ совершения насильственных преступлений сексуального характера не тождествен действию в широком смысле его понимания, так как в нем проявляются характер, определенные навыки, психологические особенности и другие качества преступника. Он придает действиям специфическую окраску, характеризующую личность преступника, его отношение к окружающим и самому себе.

Приведем наиболее часто встречаемые способы совершения исследуемых преступлений: половой акт, совершаемый в естественной форме (38,9 %), действия сексуального характера, совершенные в извращенных формах: акт мужеложства (25,3 %); акт лесбиянства (3,1 %); сексуальные действия, заключающиеся в разнополом орально-генитальном контакте (32,4 %). Зарегистрированы так же различные сопровождающие действия садистского характера (укусы, прижигания и т.д.) [8, с. 11].

Следует заметить, что вышеперечисленные способы совершения исследуемых преступлений имеют решающее значение для уголовно-правовой и криминалистической науки, нежели оперативно-розыскной. Очевидно, что данная информация имеет существенное квалифицирующее значение, но представляется, что с позиции оперативно-розыскной деятельности стоит уделить более пристальное внимание следующим действиям преступников:

1. Подготовительные действия (наблюдение за детскими садами, площадками и т.д.; посещение школ без видимых причин; частые посещения детских конкурсов красоты, кастингов, иных подобных мероприятий; поиск контактов в Интернете).

Обладая информацией о подготовительных действиях преступников, оперативные работники имеют возможность концентрации поисковых усилий, направленных на своевременное выявление лиц данной категории, повышения эффективности и качества предупредительной работы. Располагая информацией о лицах подозрительного поведения, оперативные аппараты ОВД имеют довольно широкие возможности по ее проверке и реализации. Тактические приемы достаточно разнообразны: от визуального наблюдения за вызвавшим подозрение объектом в целях получения дополнительной значимой информации, вхождения в контакт с наблюдаемым лицом с зашифровкой цели беседы до задержания и доставления в ОВД в целях проведения разведывательного опроса и постановки лица на оперативный учет. Тактику проведения беседы, основания доставления оперативный сотрудник выбирает сам, исходя из конкретной складывающейся ситуации.

2. Вступление в контакт преступника с потерпевшим.

Немаловажен в данном случае психологический момент контакта преступника с потенциальным потерпевшим. В процессе изучения уголовных дел выявлена закономерность, заключающаяся в том, что преступники, при ненасильственном первичном контакте, во избежание привлечения ненужного постороннего внимания, используют предлоги, на которые дети не могут не отреагировать. Этими предлогами могут быть и поиски потерявшегося котенка (щенка, попугая); угощение вкусными, необычными кондитерскими изделиями; предложение покататься на красивой машине и т.д. Дети, естественно, заинтересуются и последуют за незнакомым человеком в указанное им место. И, что существенно, никому о своем внезапно принятом решении не сообщают. Данное обстоятельство влияет на последующий процесс раскрытия совершенного преступления.

3. Соккрытие преступления и поведение преступника после совершения деяния.

Основываясь на результатах изучения материалов уголовных дел, мониторинга интернет-сайтов, бесед с представителями потерпевшей стороны и опроса сотрудников правоохранительных органов, выявлены следующие основные способы сокрытия преступления:

а) запугивание потерпевшего. Угрожая физической расправой, нередко демонстрируя оружие, преступник заставляет ребенка молчать, никому не говорить о происшедшем. Угрозы могут быть адресованы кому угодно из числа окружения ребенка (сестре, брату, родителям и т.д., даже любимым животным). Используя психическое насилие, парализуя и без того неразвитую волю ребенка, преступник пытается добиться и, в подавляющем большинстве случаев, достигает желаемой цели;

б) уговоры ребенка никому ничего не рассказывать. Уговоры подкрепляются обещанием покупки или исполнения чего-либо значимого для ребенка;

в) убийство ребенка и последующее сокрытие трупа.

К сопутствующим способам сокрытия данных преступлений можно отнести:

- одевание преступником одежды, не привлекающей внимания и без отличительных особенностей;

- использование предметов, маскирующих лицо при совершении преступления (маски, спортивные шапки и т.д.);

- неоставление на месте совершения преступления биологических следов насилия;

- использование приемов и атрибутов, изменяющих внешность преступника;

- принятие иных мер, препятствующих визуальному контакту (подход со спины, надевание на голову ребенка мешков, пакетов, нанесение повреждений в целях приведения ребенка в бессознательное состояние и т.д.).

По результатам опроса сотрудников правоохранительных органов, а также лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение исследуемых преступлений, выявлено, что нередко после совершения преступления насильники просматривают сводки новостей, печатные издания в целях обнаружения информации о случившемся, изучения имеющейся информации о содержании преступления, об изъятых предметах с места происшествия, о наличии свидетелей и иной доказательственной информации у правоохранительных органов. По результатам преступники принимают дополнительные меры по сокрытию информации, которая может привести оперативников на него: составляют ложное алиби; уезжают из населенного пункта на более или менее продолжительное время; уничтожают орудия совершения преступления и т.д.

Нередко преступники вновь посещают места совершения преступления. Цели посещения разные – вторичное переживание процесса насилия в воображении; устранение, уничтожение каких-либо предметов, которые можно использовать в качестве доказательств и не изъятых сотрудниками правоохранительных органов.

После совершения деяния преступники внешне ведут прежний образ жизни, в разговорах на тему педофилии и подобные темы стараются не принимать участия, под разными предлогами отказываются обсуждать новости о происшедшем, сохраняя, тем не менее, аудиальный контроль подобных разговоров и обсуждений.

Совокупность вышеперечисленных информационных составляющих будет в определенной мере раскрывать качества преступника, способ совершения преступления, указывать направления поиска свидетелей и очевидцев происшедшего, а также иных источников оперативно значимой информации, которые можно будет использовать в качестве доказательств.

Как показывают результаты изучения уголовных дел, в подавляющем большинстве случаев (67,6 %) преступник путем обмана, используя различные предлоги (поиск или покупка домашних животных, оказание различных услуг, просьбы о помощи и т.д.), вызывал желание потерпевшего следовать за ним в уединенное место, где и совершал насилие. Гораздо реже (14,4 %) ребенок подвергался похищению, в остальных случаях преступниками использовались естественно сложившиеся условия, такие как зайти в лифт или подъезд вслед за ребенком, случайно застать ребенка в подвальном помещении или ином малопосещаемом месте.

Рассматривая причины и условия, способствующие совершению преступлений изучаемой категории, стоит заметить, что к основным причинам совершения преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних можно отнести особенности психического развития и состояния самого преступника. Иными словами, причины совершения таких преступлений скрываются в сознании преступника, а условия – обстоятельства воздействия внешней среды – являются катализаторами активных противоправных действий. Однако позиция ученых-криминологов в части характеристики причин и условий совершения преступления неоднозначна. По их мнению, совокупность условий может явиться причиной совершения преступлений [7, с. 216-220].

Тем не менее, не вдаваясь в дискуссию относительно границ причин и условий, к основным причинам совершения преступлений данной категории можно отнести:

- сексуальное влечение к малолетним, сформированное в результате психических заболеваний, вызывающих отклонения в сексуальной сфере (от наследственной предрасположенности к психическим заболеваниям, особенностей старческого возраста до последствий, наступивших в результате черепно-мозговых травм);
- психические комплексы индивида, провоцирующие преступное поведение;
- особенности девиантного поведения, сформированного недостатками воспитания подростков в семье и ближайшем окружении, такие как грубость, жестокость в повседневных отношениях; отсутствие чувства стыда, неуважение к людям и человеческим ценностям; эгоизм, потребительское отношение к окружающим, в частности, к детям; крайний примитивизм во взглядах на взаимоотношения полов, сводящий их к

половому акту, чаще всего с малолетними; похотливость и разнузданность, не признающие никаких границ на пути к удовлетворению сексуальных потребностей;

- невозможность удовлетворения сексуальных или гиперсексуальных потребностей.

К условиям, способствующим совершению преступлений, на наш взгляд, можно отнести совокупность отрицательно воздействующих факторов внешней среды:

- распространение пьянства, наркомании и токсикомании в среде несовершеннолетних и, как следствие, криминогенность в сфере половых отношений;

- недостатки, отставания в умственном и психическом развитии детей-жертв;

- негативное, растлевающее влияние СМИ, Интернета, пропагандирующих сексуальную свободу, порнографию, насилие;

- кризис культурных ценностей, нравственности, социальное расслоение, политические и экономические кризисы, социальная дезорганизация – все эти факторы формируют вседозволенность, утрату авторитета власти, правоохранительных органов, родителей;

- доверчивость и неосмотрительность большинства потерпевших;

- недостатки в деятельности правоохранительных органов, органов образования и здравоохранения по выявлению лиц, обнаруживающих признаки сексуальной патологии, склонных к сексуальному насилию, блокированию их противоправной деятельности, обеспечению мер по их лечению и последующему надзору за ними;

- неполное и несвоевременное выявление и раскрытие преступлений против половой неприкосновенности малолетних; применение мер наказания, не соответствующих общественной опасности содеянного и личности виновного по делам исследуемой категории;

- недостатки в исправительном воздействии на лиц, отбывающих наказание за половые преступления; отсутствие воспитательной работы с ними, направленной на изменение их нравственного облика, искоренение жестокости и цинизма, особенно в отношении женщин и детей [12, с. 26].

Несомненно, информация о данном элементе оперативно-розыскной характеристики имеет существенное значение в противодействии оперативных аппаратов преступлениям изучаемой категории. Знание источников детерминации указанных преступлений способствует повышению эффективности в организации предупредительной работы органов внутренних дел; повышению качества раскрытия преступлений по горячим следам; грамотной расстановке сил и распределению обязанностей по данной линии работы.

Переходя к описанию личности потерпевших, необходимо сформулировать понятие «малолетний», под которым следует понимать лицо, не достигшее 14-летнего возраста, которое в силу возрастных особенностей своего психического и физического развития обладает дееспособностью не в полном объеме и не имеет возможности самостоятельной оценки происходящих событий и принятия мер к самосохранению.

Изучая материалы уголовных дел, сводки криминальных новостей, статистическую информацию, можно сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев насилия в отношении малолетних детей потерпевшими выступали девочки (80 %), гораздо реже (20 %) – мальчики. В отношении потерпевших в возрасте 4-5 лет зарегистрировано около 15 % преступлений от общего их количества, от 6-10 лет – около 60 %, 10-13 лет – около 25 %.

Потерпевший – один из основных источников информации о происшедшем и преступнике, этим и обусловлена важность данного элемента оперативно-розыскной характеристики. В подавляющем большинстве случаев выбор ОРМ, тактика и последовательность их проведения строятся на показаниях потерпевшего.

Представляется, что сотрудники оперативных аппаратов обязаны знать особенности личности потерпевших, в том числе с точки зрения психологии. Обладая знаниями

о развитии малолетних, причинах формирования девиантного поведения, роли потерпевших в процессе предупреждения и раскрытия преступлений, сотрудники ОВД получают достаточно широкие возможности по организации и проведению профилактических мероприятий как с детьми, так и с родителями. Знание психологии общения позволит оперативному работнику установить контакт с потерпевшим в целях скорейшего получения как можно более подробной информации, способствующей раскрытию преступления.

Таким образом, оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с совершением сексуального насилия в отношении малолетних, является важным информативным элементом, влияющим на определение стратегии и тактики оперативных подразделений ОВД по их предупреждению и раскрытию. К наиболее значимым ее структурным элементам (составляющим), на наш взгляд, относятся личность преступника; способ совершения преступлений; причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и личность потерпевшего.

Литература

1. Абрамов А.М., Климов И.А. К вопросу о содержании оперативно-розыскной характеристики вида преступлений // Актуальные вопросы борьбы с преступностью и проблемы преподавания: сб. науч. тр. М., 1996. С. 80-81.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории - к практике. М.: Юрид. лит., 1988.
3. Горяинов К.К. Общая характеристика преступления. М.: ВНИИ МВД СССР. 1980.
4. Журавлев А.Р. Особенности оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых приезжими в сверхкрупном городе. М.: ВНИИ МВД России, 2003.
5. Кокурин А.В. Характеристика лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, и особенности психологической и воспитательной работы с ними // Российский психологический взгляд. 2010. № 2.
6. Криминалистика: учеб. / под ред. Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011.
7. Криминология: учеб. для юрид. вузов / под ред. Г.А. Аванесова. М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2010.
8. Милованова М.М. Методика расследования сексуальных преступлений, совершаемых в отношении малолетних детей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2003.
9. Неклюдов В.Г. Общие положения предупреждения оперативными аппаратами ОВД массовых беспорядков на почве межнациональных конфликтов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская высшая школа милиции МВД России, 1992.
10. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2011.
11. Худяков Ю.М. Значение и содержание оперативно-тактической характеристики для раскрытия преступлений отдельных видов // Проблемы совершенствования деятельности аппаратов милиции и криминалистических подразделений. М.: ВНИИ МВД СССР, 1979. Вып. 2.
12. Шувалова Т.Г. Насильственные преступления сексуального характера, совершаемые в отношении малолетних и несовершеннолетних: ответственность и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2011.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

7 февраля в Дальневосточном юридическом институте МВД России состоялось торжественное собрание, посвященное Дню российской науки.

Открыл торжественное собрание начальник института доктор юридических наук, профессор генерал-майор полиции А.С. Бахта. Он отметил, что Дальневосточный юридический институт МВД России стремится способствовать теоретическому осмыслению проблем борьбы с преступностью в Дальневосточном регионе, совершенствованию деятельности подразделений ОВД и повышению качества обучения через сотрудничество с практическими органами внутренних дел и расширение круга взаимодействия с другими вузами России и зарубежных стран.

С Днем российской науки коллектив института поздравили начальник филиала ВНИИ МВД России по Дальневосточному федеральному округу кандидат юридических наук, доцент полковник полиции И.В. Никитенко; профессор кафедры административного права и административно-служебной деятельности ОВД Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор В.Н. Бойко; начальник штаба УМВД России по Хабаровскому краю полковник внутренней службы М.Л. Чепурной; заместитель начальника Главного управления МВД России по Дальневосточному федеральному округу – начальник следственной части полковник юстиции А.В. Ильин; заместитель начальника Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу полковник внутренней службы В.А. Палюх; врио начальника отдела кадров и государственной службы Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу полковник внутренней службы С.А. Алишукова. На собрании присутствовали профессорско-преподавательский состав института, курсанты, ветераны института, а также ученые вузов города Хабаровска, сотрудники филиала ВНИИ МВД России по ДФО, ГУ МВД России по ДФО, УТ МВД России по ДФО, УМВД России по Хабаровскому краю. В торжественной обстановке были поощрены практические работники, сотрудники и курсанты института, достигшие высоких результатов в научно-исследовательской деятельности.

О результатах научно-исследовательской деятельности института доложила заместитель начальника научно-исследовательского отдела кандидат исторических наук, доцент подполковник полиции Т.Н. Оглезнева. Она отметила, что в 2013 году в институте были подготовлены и проведены 20 научно-представительских мероприятий, в том числе два – международного уровня. Преподаватели института принимали активное участие в работе научных конференций и конкурсов, проводимых как в Дальневосточном юридическом институте МВД России, так и в других образовательных органи-

зациях МВД России и Министерства образования и науки Российской Федерации. В частности, в конкурсе Департамента государственной службы и кадров МВД России на лучшую научно-исследовательскую работу по проблемам совершенствования деятельности ОВД в номинации «Совершенствование работы с личным составом» научно-практический комментарий «Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», подготовленный коллективом авторов под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А.С. Бахты, занял I место.

По результатам проведенных исследований профессорско-преподавательским составом института было подготовлено 78 научно-исследовательских работ. В практическую деятельность органов внутренних дел внедрено 35 работ, в учебный процесс института – 31 работа.

В 2013 году сотрудниками и адъюнктами института защищены 1 докторская и 9 кандидатских диссертаций.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. В редакцию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также краткие научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

2. Все рукописи статей, поступающие в редакцию журнала, проверяются на уникальность текста с использованием системы «Антиплагиат».

3. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru или redactor80@gmail.com).

4. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

5. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

6. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейных библиографических списков. Библиографический список составляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

Цель аннотации – кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки.

7. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

8. Статья должна иметь шифр УДК.

9. Технические требования к статьям:

- набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman» размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

- библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

- название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

10. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

11. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено на сайте института www.dvui.ru). Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала.

12. **Плата за опубликование статей не взимается.**

13. Статьи для опубликования направляются в следующие сроки: для первого номера – до 25 января, для второго номера – до 1 апреля, для третьего номера – до 1 июля, для четвертого номера – до 1 октября.